

С.СОМОГОТТО

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАРОДА САХА

Якутск 1995

СОДЕРЖАНИЕ

О Т А В Т О Р А

ЧАСТЬ I. Диринговое происхождение якутян ГЛАВА 1. Легенды о северных Адамах — Небесном Лыжнике и Эляе или самомнении дорусских якутян о своем происхождении	6
ГЛАВА 2. Тыгын — прародитель послерусско-досоветских якутов и «кыргысов век»	12
ГЛАВА 3. Пришлая версия о якобы пришлом происхождении якутов	24
ГЛАВА 4. Оленескотоводство — ^главный свидетель возрастного старшинства северного и якутского животноводческого комплекса над степным животноводством .	30
ГЛАВА 5. Разлив половодий трех сагаязычий «ус сага» .	39
ГЛАВА 6. Ностратические формулы этнонимов и родовой состав якутов	55
ГЛАВА 7. Возраст народа саха	76
ЧАСТЬ II. Материальная и духовная культуры об этногенезе	
ГЛАВА 1. Материальная культура	88
ГЛАВА 2. Истоки якутского язычества	98
ГЛАВА 3. Фольклор — зеркало социального строя, создавшего его этноса	102

УДК 947.156 ББК 63.3 (2Р5И)

С61 СоМо50ТТо с.

Происхождение народа саха,— Якутск: НИПК «Саха-полиграфиздат», 1995.— 112 с.

ISBN 5-85259-095-9

(6) Николаев С. И.-Сомокотто, 1995

О Т А В Т О Р А

До открытия Диринг-Юряха все человечество считалось распространившимся на всю планету путем переселений из единственного Олдувайского центра в Африке. Диринг, можно сказать, положил конец версии якобы всеобщих переселений. Теперь Север, считавшийся безлюдной пустыней, будет фигурировать одним из древнейших колыбелей зарождения человечества и праматерью древнейших основ культур и языков. В этом направлении, надо надеяться, со временем пойдет под руку с Дирингом публикуемая в данном труде ностра- тика (всепланетарность) этнонимов и топонимов на базе угро-самодийских и майя-палеоазиатских языков. Кто и как создавал такую общепланетарность древнейших этнонимов и топонимов — загадка. Ключом к той загадке, возможно, станет тот факт, что майя-майааты говорили на самоди, и юкагирские одулы имеют язык из группы угро, очень близкий к языку манси. Впрочем, разгадать ту загадку — задача гуманитариев грядущих веков. Автор рад тому, что якутские Диринг и угро-са- моди-майаатская ностратика встанут на поворотном углу пересмотра происхождения всего человечества. Это будет намного престижнее и почетнее, чем все прежние якобы переселенческие версии, ибо в любых империях

древности и современности роль малолюдных была одинаково скромна.

Появившейся на свет телкой не превратиться в лошадь, а родившимся хунно-хунхузами и тюрками не стать новым этносом. Такова ловко замаскированная суть «аксеоматичной» переселенческой теории о якутах — теории «научного» аннулирования саха как само- зародившийся самостоятельный народ и превращения его в выродившихся бродяг-беженцев. Для усиления картины вырождения, та теория не выставляет на передний план героический труд на полюсе холода, а выпячивает под видом сочувствия односторонне нищету, отсталость и «примитивность» саха. Для передачи более «умным» соседям самобытные успехи диринговой культуры та переселенческая теория придумала даже неких «культурных героев» из «переселенцев» якобы научивших диринговцев, как жить на полюсе холода и вечной мерзлоте. Там выставляют диринговцев Омогоя абсолютными дикарями, не придумавшими себе даже элементарные сосуды из бересты и простейшие языческие обряды. Такому теоретическому уничтожению саха и превращению его в деградировавший отросток абсолютно чужих соседей встречается немало сочувствующих и по сей день. И все это из-за перехода саха в прошлом на имперский язык каганатов и ханств. Согласно топонимам Якутия поменяла в прошлом не менее десятка языков. Те языки приходили и уходили, не меняя телеса. Тюркоязычие — лишь очередной сменный из того десятка приходивших и уходивших языков. Сегодня внушительная группа якутов перешла на русскоязычие, и не осталось среди якутов, не умеющих говорить по- русски. Однако из-за этого что-то не говорят о происхождении саха от русских.

Вся сознательная жизнь автора этих строк ушла на

выяснение вышеотмеченных естественных и искусственных сложностей этногенеза саха. Над предлагаемой монографией он трудился почти полвека. И то, что он не торопился выставить свои выводы чуть не погубило все долголетнее исследование:

данную монографию ему пришлось написать телеграммовидно сжато уже после утери зрения. Комкать труд пришлось и из-за экономической ограниченности. Зато каждая глава труда превратилась в своеобразные тезисы будущей самостоятельной и солидной монографии. Их автор дарит своим будущим последователям в 21 и в последующих веках.

Вокруг этногенеза саха имеют место разные эмоции. Автор не нашел возможным ориентироваться на них в своей монографии, ибо общеизвестны итоги и судьбы гуманитарных исследований, выполненных на заказ страстей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДИРИНГОВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯКУТЯН

ГЛАВА I

ЛЕГЕНДЫ О СЕВЕРНЫХ АДАМАХ — НЕБЕСНОМ ЛЪЖНИКЕ И ЭЛЛЯЕ ИЛИ САМОМНЕНИЕ ДОРУССКИХ ЯКУТЯН О СВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ

При изучении происхождения любого народа принято обязательно считаться с мнением самого того народа. В случае с якутами историческая наука не только не нашла нужным считаться с самомнением народа о себе, но даже противопоставила мнение народному, основой для такого противопоставления является распространение среди якутов и неякутов искаженных основ древнетюркского имперского языка. А, ведь, от имперских языков не побелела кожа у негров США и не пожелтела кожа анатолийцев и кавказцев от тюркоязычия. Аналогичным образом латиноамериканцев также из-за пришлого имперского языка никто еще не объявлял стопроцентно произошедшими от европейцев. На чем основано исклю-

чение одних якутов из того массового явления, никто толком и не пытался объяснить.

До проникновения через грамотность в массы научной путаницы, т. е. до советского времени, все якуты придерживались на редкость единогласного мнения о своем происхождении от местных северных Элляя и Тыгына.

Согласно якутским легендам, Элляй — не бог, а самый рядовой обитатель неба, ничем не отличавшийся от рядовых смертных землян. Имело место множество якутских легенд о том, как в седой древности земляне и обитатели неба и земли ходили друг к другу в гости и дети их вступали в браки. Солнце, Луна, Плеяда, Планеты в тех легендах фигурировали как небесные семьи, занятые, подобно землянам, своими бытовыми делами и промыслом. Дочери Солнца выходили замуж за землян, сыновья Луны, звезд и планет приходили к землянам выбрать себе невест из числа землянок и т. п. 1а-ким образом, до русских у якутов на небе не оказалось никаких богов. Более того, как источник самых лютых зимних морозов, небо тогда считалось обиталищем наиболее злых небесных дьяволов. Короче, тогда небо заменяло ад южан.

По легендам, через стык неба и земли Элляй спускается на Землю и женится на одной из двух дочерей землянина Омокоя. А последний выставляется единственной семьей на Земле. Вторая незамужняя дочь Омокоя накладывает на себя руку: не за кого выйти замуж. Старые Омокой с женой умирают. На Земле Эллэй со своей женой остаются единственными первыми людьми, от потомства которых на планете пошел рождаться род человеческий. Отсюда в досоветской Якутии не было якутской семьи, не начинавшей свою родословную от Элляя — изначального мужчины, в переводе Эр-Соготох, а по-самоди «Элэ» «Йи».

Выходит, Эр Соготох или Элэйи и его жена являются северными Адамом и Евой — родоначальниками всего человечества. Подобные легенды всегда и всюду рождаются только там, где считают себя первородными людьми Земли и не признают происхождение от кого бы то ни было постороннего. И подобные легенды рождаются только у тех, кто не сдвинулся ни на шаг в сторону от местонахождения колыбели своих самых изначальных пращуров.

Легенды о местных Адаме и Еве редко когда принадлежат одному этносу, время от времени меняющему язык и самоназвание. Так Элэ Йи назван на языке угро-самоди. На том же языке названы крупнейшие гидронимы края. Лена «Элэ Энэ» с калькой на эвенкийском «йегду бира» — «Великая река»; «Ала Йаха» — «Большая речная речка», «Элэ кма» — «Большая приточная река», «Ала Дон» с притоком Копра — «Большой Дон» (река) точно копирует шолоховский Дон с притоком Хопер и т. д. Надо полагать, названия самых крупнейших гидронимов края получили свои названия чуть ли не во времена Диринг-Юряхских якутян, т. е. за два с лишним миллиона лет тому назад. Вот какова головокружительная датировка возраста Эл-ля северного Адама, приходящегося пращуром не одним якутам. Имя этого эпонима явно было калькировано на многие северные языки. Иначе сегодняшней якутский язык без подобной эстафеты не смог бы перевести на свой сегодняшний «Эр Соготоха» — «Изначального Мужчину», как не появилась бы эвенкийская калька от «Элэ Энэ».

Из сюжетных калек легенд об Элэ Йи до нас дошел лишь единственный экземпляр. Это у нганасан-Майя- Майаатов рода Бадьяайы (Вадеевский род). По историческим преданиям, кобьяйские якуты и Тыгын считали своими предками нганасано-майаатского Бадьяайы. По 8

легендам якуты прошлого признавали единственным своим предком того Бадьяайы, т. е. великое племя Маня — во множественном числе Майаат. Как и следовало ожидать, тот этноним Майя встречался у якутов (Маа-йя, Майя5атта, Байя5антай, Баайя5а и т. п.), у самоды (Ванедыр, Маугир-Майагир, Мэйи-Мэйик и т. п.), у тунгусов (Баягир, Пуягир, Быйааги, Баяган), у ненцев (Баяки-Пильпа) и озеро Байкал по бурятской адаптации звучит как «озеро племени Баайя» «Бааиа Гол». Это намного правдоподобнее, ибо тюрское «Баай куол»-по возрасту грудной младенец, чем «озеро древнейшего Майя или Баайя». Тот этноним Майя встречается даже на американском Юкатане в удивительной паре Майя-Ацтек, как и якутско-енисейское Майя-Остяк или Ацтек. Там же тлинкиты взамен нашим Теленгитам, Атабаски или Атамаски вместо наших Атамай. Юкотан звучит Пука (якут) и Йука гир. Река Патомак имеет у нас аналоги в лице Патом, Баатам, Буотама, Бото-моойу и т. п. В индейском эпосе «Песня о Гайавате» упомянуто племя «Омок», который встречался в прошлом у юкагиров (русско-устыинская песенка «Омоканка») и у якутов (в лице Омокоя, где «Омокой» по-угро-самоды — «тесть» из легенды об Эллье Эр Соготохе). В том же эпосе «Песнь о Гайавате» вождь или полубог, созвавший все племена индейцев на «Трубку Мира», имеет имя, очень напоминающее Элэ Пи (великий или изначальный мужчина) — «Китчи Манита». Так слово «китчи» напоминает общесибирское «кши», «кичи», «ки hi» — «человек». А слово «Ману», «Мааны» встречается у одних якутов и в Океании в значении «культурный», «развитой», «авторитетный». На «Трубку Мира» мог созвать всех индейцев явно не рядовой смертный, т. е. человек типа нашего Эллья — Эр Соготоха. Не слишком ли много совпадений, чтобы быть случайными совпадениями... К тому же поражает неизменность жел-

того пигмента монголоидов Азии и Америки на Севере и в тропиках. На деле же в тропиках у монголоидов должен был появиться негроидный черный пигмент и на Севере белый европеоидный. Тут всплывает незамеченная никем новая загадка: не являются ли азиатские монголоиды унаследовавшими свою желтую пигментацию, возникшую не в условиях негро-европеоидного Старого Света, а в условиях другого континента — американского. Тогда речь может пойти не о заселении Америки через Берингию из Старого Света, а наоборот. Для подобного переселения были бы все карты в руки. Путь мог лежать не через одну Берингию в глубокой древности а в любое время через шельфовые архипелаги от Алеутских, Курильских, Японских, Филиппинских, Океанийских вплоть до Мадагаскарских монголоидных мальгашей. Мог иметь место и катамарано-бальсовый путь Тур Хейердала через океан. Благо океанические течения по движению самой планеты бьют только от Америки в сторону Азии. Тогда становится понятным наличие двух центров антропогенеза африканско-олдувайского и северного Дириг-Юряхского становится вполне закономерным появление двух цивилизации — американского и старосветского. Ссылка на отсутствие археологических находок в Америке не совсем обоснованна, ибо издавнее нежелание частных владельцев, чтобы их собственность не была изрыта и обезображена археологами, могло сыграть решающую роль. В тех условиях могли быть сознательно уничтожены и не сообщены ученым не одни Олдувай и Дириг-Юряхи, не дающие в руки золото и драгоценности. ^г

В майатско-нганасанском варианте северные Адам и Ева опять представлены представителями неба и Земли. Не бог, а вечно бродячий Небесный Лыжник в своем скитании по лыжным трассам неба и Земли случайно *10*

сталкивается с дочерью Земли и вступает в амурные связи. От этой случайной встречи без брака рождается мальчик. Колыбельку с тем новорожденным в тундре обнаруживают оленеводы. Выросши тот мальчик становится родоначальником всего рсца человеческого.

В отличие от якутского, этот майатский северный Лдам — дитя от случайной любовной связи. Имя его отца Небесный Лыжник совпадает с якутским названием Млечного Пути, который именуется «лыжней Небесного Лыжника» (халлаан уолун хайыҕарын суола). Это лишнее указание на то, что Майя-Майааты были предшественниками якутов. Только у майатов вместо семьи, в роли продолжателя рода человеческого выступает не кровнородственная семья, а более ранние свободные половые связи. Короче, у майатов времен Небесного Лыжника семья находится лишь на стадии раннего своего формирования. Она успела осознать только отца и мать ребенка и начинает борьбу с кровосмесительством, т. е. с беспорядочными половыми связями. Именно в целях показа неродственности отца и матери ребенка, майааты выбрали отцом ребенка Небесного Человека, а матью — Земляночку. Говоря иначе, майаа- ты хотели подчеркнуть, что здоровый ребенок может родиться только тогда, когда родственность отца и матери ребенка далека друг от друга как небо и Земля. Видимо, люди и той ранней поры человечества из горького опыта жизни успели познать пагубность родственного разведения при беспорядочных родственных связях в малолюдных родах и территориальной замкнутости. Данная борьба на следующем этапе Элляя уже уничтожила беспорядочные половые связи и заменила их прочной семьей с узаконенными обычаями моногамным браком. Потому-то и легенда об Элляе сама уничтожает путем самоубийства сестру жены Элляя. В условиях майатского деторождения путем беспорядочных

половых связей сестра жены Элляя не была бы умерщвлена. Однако и на Элляевом этапе дальность крови брачующихся остается по-прежнему актуальной. Именно поэтому Элляева семья создается из людей неба и Земли. Та же охота за дальней чужой наследственной кровью, очищающей местную кровь от многовекового застоя, и в послерусское время сохранила остатки, так называемого, «гостеприимного гетеризма» для людей совсем иной расы. Кроме внесения свежей струи крови, только тот гетеризм сильно распространил на Севере венерические болезни. Последние заставили северян, наконец, полностью прекратить тот обычай. Все же ушедший «гостеприимный гетеризм» вместе со ставшими постоянными русско-аборигенными браками сильно осветлили лик северян. Светлоликость стала идеалом местной красоты (тунал^Ааннаах ньуурдаах).

Г Л А В А П

ТЫГЫН — ПРАРОДИТЕЛЬ ПОСЛЕРУССКО-ДОСОВЕТСКИХ ЯКУТОВ И «КЫРГЫСОВ ВЕК»

Характерно, обе дорусские легенды о Небесном Лыжнике и Элляе выставляли себя северными Адамами с Евой и не заикнулись о зарождении ни одного этноса и народа. Отсюда, в дорусской Якутии явно имели место лишь «язычия», еще не создавшие общностей типа «этнос» и «народ» в сегодняшнем их понимании. Каждое язычие того времени явно имело то же значение, что и сегодняшнее понятие «русскоязычие». В последнем «русскоязычными» оптом называют всех: и самих русских, и всех нерусских, перешедших на этот язык. Короче, понятие «язычие» имело значение, напоминающее жидкостное затопление, т. е. охват без разбора этносов 12

и принадлежность по крови. Так, сегодня «русскоязычными» называют и евреев, и русскоязычных якута, чукчу, ительмена, камчадала и т. п. В прошлой Якутии «чукчами» называли и самих кровных чаучи — чукчей (но не «анкалынов»), а также и оякученных чаучи-чачы-чочуйцев Усть-Алданского, Кобяйского, Намского и Вилюйского улусов с их хосуном Чаучаканом или Чабычаханом. Туда же относили и дубчинцев-дюпсинцев, названных так от искаженных слов «чукча» — джукча — джочэ — Дюбчэ — Дюпсээ. Наконец, фигурировали как чукча и всеякутский герой сказок — скотовод, обладатель быка Чаачакаан или Чаучакан. К числу Нам, Ным, Намсыр, Намчир, Намчер, Мым, Мэм, Мом, Лам, Лым, Нымы, Намыл, Момыл, Мэмыл, Мэмэл, Ламыл, Ламут, Лымыл относили тунгусоязычных ламутов и лымыланов — коряков, намцев с только у них встречавшимся термином «баат» для одно-двухместной углой лодчонки. К юагирам относили оптом всех многоязычных тундровиков — «пеших» и «собачников». Трех сагаязычных по неизвестной причине называли «якол», «якут» или в единственном числе «яко», «яка», «Бака», «Йакка», «Йапка», «Баппа». Судя по ясачным спискам, где часто одно и то же лицо имело одновременно имя-прозвище на нескольких языках, значительное большинство до-русских якутян были полиглотами по местным языкам. Указывают на то отсутствие у всех якутян термина «переводчик» и неупоминание в легендах и преданиях о сложностях с переводом при встречах разноязычных. Зато как появились русские, легенды и предания запестрели и термином «толмач» (переводчик), и упоминаниями «они лопочут по-своему».

Таким образом, в дорусской Якутии языковая принадлежность еще не успела стать указателем этнической принадлежности. Однако понятие о язычии уже появилось для общей группировки одноязычных без кровного

родства. Из полиглотов это делалось, по-видимому, по преимущественному пользованию одним из тех языков. Характерно, преобладающее большинство из тех язы- чий имело не собственное самоназвание и название, данное ему соседями. Так, никто из юкагиров не называл себя «юкагиром», и каждый из них называл себя по- своему: кто «одул» (оду), кто «чуван», кто «юсал», кто «омок», кто «чавчувен» и т. п. Ненцы и майя-нганасаны называли юкагиров «тау», а чукчей — «чау» или «чау- чи» («чи» и «чер» — «человек») т. е. «чаучи» означал «чау человек». Искажение «чаучи» создало термины «чукча», «чупча», «чапчу» (чавчувен) и «чачы», «чочу».

Сам же термин «тау», даваемый нганасанами юкагирам, был искажением ненецкого «тавг», тут «ау», как в случае «Аугуст» — «Август», превращается в «тавг».

Само слово «тавг» на Енисее в значении «иноязычный» применялось чуть ли не ко всем самодиязычным. Исключение составляли лишь кетоязычные. Из последних асанов почему-то называли «ас» — «не». Например, «Ас тек» — «не тек», «асе-тин» — «не тин», «Эс тон» — «не Тон», «ас кип» — «не кип» (скиф) и т. п. Удивительно то, что и в США встречаются этнонимы «Астек» или по-нашему «астяк» или «остяк». В Орхонском «Памятнике Кюль-Тэгину» древние тюрки от верховьев Енисея до Иртыша сражаются с удивительно многолюдным народом «тавгач» или «тавгас». Это было явно самодийские или тавгийские предки уранхаев, смешанных с предками кетоязычных Ас-Асанов. Подобные объединения в Якутии образовали аналогичного типа этнонимы: кангалас (канга-л-ас), Магарас (мага-р-ас), Ыйы- лас (Ыйы-л-ас) и т. п. Предполагают, что будто Тува есть «Таува». Термины «Тау», «Тава» в Якутии образуют удивительно множество вариантов. Тунгусоязычный этноним «эвен» возник от «тау-таун-тэун» — «зун- 14

эвун-ывн», что в переводе означает иноязычный, чужой, по-якутски «туора» или «туора киБи». Отсюда «эвун», «эвен» или «эвн» старые люди уверяли, что будто данное слово означает «туора» или «поперешный». В варианте «эвенки» прибавляется «ки» — «человек», т. е. «эвун ки» — «эвун человек», «эвун» — «тэун-тэвун- эвун». В данном случае «ау», «эу» явно состоял из давлъ-ю, ибо старые эвенки свой этноним приносили не то «аонки», не то «аванки». Русскоязычные этнографы то «аонки», «эонки», «аванки» превратили в «эвенки», а «эун», «эвн» в «эвен». Каково было собственное название тунгусоязычия и указанных двух тунгусоязычных Якутии, так и исчезло бесследно, и они привыкли рекомендоваться «Я — чужак — туора» или «поперешный», т. е. «эвен» или «эвенки». В прошлом это слово заменяли «ламут» и «тонгус» (тунгус). Выше уже отмечено, что «ламут» — мн. число от Нам, Лам, Лым, Ным, Мом, Мэм, т. е. адаптации основ «Ным», «Нымылаун» (коряк) и «Мом», «Мэм», «Мэмээ», «Мэмэл». А «тонг ус» от «тонг — с» — «иноязычный», где в основе тот же «тау», «тэу», «тоу». О том, что одулов, нымыланов и чукчей в свое время называли их соседи «тонг», «танг» отметил В. Богораз. От того, что за иноязычие его самого прозвали «Тан Богораз». Он это прозвище превратил в свой псевдоним.

От того же «тонг» возникли герои эвенкийских преданий «Чангиты», где в основе «чанг» от «тонг», «танг». От «танг ус» образован этноним «тагус» и одноименные названия наслеггов в вариациях «Тогусский», «Тогуйский» и имя героя якутских преданий Вилюя «Тон-ус Болтшгоо», «Ташас Болтшгоо» со своим побратимом Ыра Быркан-аа. Это исторические личности — повстанцы Балтуга Тимиреев и его соратники Быркага да Бул- будак. По документам тех восстаний по народным преданиям о них можно бы даже установить соотношение

устных легенд с исторической действительностью. Если предания период восстаний Балтуги Тимиреева, Оилги и Орюкана Секуева именуют «кыргысовьш веком», то, вероятно, «кыргысов век», есть стычки изначального сбора ясака, где собирателями были якутские тойоны и русские составители ясачных списков — охотники за «неясачными» и «сошлыми». Именно эта охота и вызвала впервые в Якутии «массовые переселения», имевшие внешнюю видимость бегства от ясака. Охота та продолжалась полторы века не без крови и Гіе без стычек. Вот получается натуральный век кровавых стычек — кровавой охоты за людьми. О наличии подобной охоты за людьми до прихода русских — предания молчат. Да и повода для подобной охоты тогда не было. Вымышленный поздний повод якобы «для отнятия славного имени» «албан аат» не выдерживает никакой критики. Если дело обстояло так, при трудном выживании в до- русской Якутии, пожалуй, русские обнаружили бы данный край безлюдной пустыней. Военные стычки из-за «славы» — лишь эзоповская маскировка охоты за сошлыми, предания о которых в открытом виде царская администрация не потерпела бы без наказания злоязычных.

В эпицентре «кыргысова века» — века кровавых распрей и охоты на людей всегда находился Тыгын в роли хронологизатора того века. А жизнь его легенды неотрывно связывали с событиями прихода русских. Отсюда и очевидность датировки «века кыргыса». Вторым указателем времени является характерная для того века «охота на людей» и стремление укрыться от того неотвязного преследования. Подобная ситуация в Якутии имела место только в период бегства от ясака и ясачных списков. В дорусский же период и неоспоримых причин для подобных массовых преследований и охоты за людьми не было. В первое десятилетие от 1632 по 1642 гг. сбор ясака вели сами якуты, наделенные вое- 16

водами титулом «князец». Обида на последних при сборе ясака и составлении ясачных списков и позволила, видимо, окрестить период ловли беглых ясачных «кыргысовым веком». Роль знати при той ловле на начальном этапе, видимо, сделала знать главной действующей фигурой охоты на людей. Охота есть охота. Явно без насилий не обходилась. Отсюда, надо полагать, и двойственность показа Тыгына: он и родоначальник всех якутов, он и преследователь якутов.

Чтобы понять столь резкую противоречивость образа Тыгына, надо вспомнить, когда и в каких целях создавался образ данного героя. Легенды о нем записаны лишь в начале 20 в. Следовательно, над легендой работали в течение трех столетий. И те три столетия свободно внесли в незаписанные легенды свои выдумки, поправки и редакции невидимых редакторов и цензоров. При подобной вольности явно мало чего осталось от изначального действительного. Таким образом, практически легенды о Тыгыне есть монтаж трех веков. Был ли он исторической личностью неизвестно. А если и был, то мало чего оставил указанный монтаж от его исторического. Все было перемонтировано под потребу прошедших трех веков.

На всякий случай, если он и был исторической личностью, то весьма красноречива его родословная. Характерно, последняя осталась одинаковой как во времена Я-Линденау в середине 18 в., так и у С. И. Эоло и начале 20 в. По тем двум авторам и многочисленным семейным генеалогиям. Тыгын — сын тунгуски и майаа-га-нганасана Бадьяайы. Выходит, по крови он вовсе не якут, а майаато-тунгус, т. е. из числа местных полукровок. А все легенды, упоминая его майаато-тунгусскую кровь, называют его прародителем всех якутов и основателем всего якутского рода. В прошлом все семьи свою генеалогическую таблицу составляли, начиная

только с него и Элляя. Вдобавок, в числе кровных братьев Тыгына обязательно упоминались Тунгус и Ламут Лабынха Суурук. По той генеалогии чистого якута не существовало, и якутский народ был создан Тыгыном из конгломерата, состоявшего из майаата, тунгуса и ламута. В данной генеалогии нет ни буковки об Уранхае, Саха, монголе, тюрке и др. Короче, Тыгынова генеалогия беспрекословно подчеркивает о только местном происхождении якутов и созданности их из конгломерата местных родов в послерусское время человеком послерусского времени по имени Тыгын.

Даже имя у данного прародителя якутов оказался неякутским. Тыгын или Дыгын точно соответствует названию тунгусоязычной цифры «4». У тунгусоязычных Амура и северных китайцев до сравнительно недавнего времени сохранялся обычай давать детям имя из ряда порядковых чисел. Отсюда, Тыгын или Дыгын означал «Четвертое дитя». Такое же имя «Четвертое дитя» имел живший рядом с Тыгыном, долганский князец Дыгынча.

1 олько его имя было снабжено ласкательным окончанием «-ча». Последнее встречалось в массовом порядке и у якутов. У последних цифровое имя, оказалось, было применительно даже в первые годы советской власти. Так, один из персонажей драмы С. Омоллоона «Кузнец Кюкюр» имел имя «Джур» (Дьуур), что на тунгусских языках означало «Второе дитя».

Тыгыну и Дыгынче имя «Четвертое дитя» могли вполне дать их матери-тунгуски. Одновременно, долганский Дыгынча и якутский Тыгын могли оказаться в жизни одним и тем же лицом.

Согласно легендам, якутский Тыгын жил и кочевал на самой окраине местообитания якутов. Поэтому любые первые из русских, прибывшие в Якутию, первым наталкивались только на него. Так, до вооруженных отрядов, у Тыгына побывали первые ранние не то лазут-

чики не то зверопромышленники. Затем появился первый вооруженный отряд, попросивший на его усадьбе участок земли с воловьей шкурой. На том месте они воздвигли первый якутский острог. Для запугивания тыгынцев отсутствующим у них огнестрельным оружием, они пошли пристреливать скот. Обиженный Тыгын накануне начала зимовки ночью спалил тот острог так, что крепость не удалось спасти. Чтобы не остаться зимой под открытым небом, отряду пришлось убраться туда откуда пришел. Вероятно, это был острог М. Васильева и А. Добрынского, сожженный у устья Алдана в ноябре 1630 г. В Челобитной тех атаманов о сожжении острога названы имена Трека, Буруки, Бойдона, Бозеко, но о Тыгыне или Дыгынче не упомянуто ни слова. По легендам Тыгын и там погибает мученической смертью и за увезенный его глаз будто достается атаманам нагоняй. Указанная версия легенды выглядит правдоподобной в том смысле, что существовал наказ царя землепроходцам не чинить зло и войти в мирные контакты с вождями племен.

Тут, сообщая о наказании за жестокость первопроходцам из сожженного острога, легенда выдает саму себя с головой. М. Васильев и А. Добрынский и в самом деле больше не появлялись в Якутии. По-видимому, им в самом деле досталось за нарушение царского наказа действовать мирным путем. Зато своей осведомленностью в делах царской канцелярии, легенда выставила на свет божий не совсем якутский источник своей информации и созданность много и много лет спустя после самих тех событий. Ведь, в те времена доставка вестей в Москву, в канцелярии и обратно в Якутск у самой воеводской канцелярии не обходилась без десятков лет. А затем, чтобы она стала достоянием народных легенд, самое меньшее потребовалось бы не меньше полувека или

трехчетвертей века. При такой давности, возникшим легендам не было явно не до точностей деталей событий уже забытых. Таким образом, Тыгын мог оказаться позже выдуманном героем, т. е. тем, как хотелось бы, когда событие уже прошло.

Здесь поистине черной лошадкой является фигура долганского Дыгынчи. Его долганы жили на территориях устьев Алдана и Вилюя до Сангар. Короче, они жили попеременно с самыми центральными группами якутов. Часть их, попавшая в списки якутов, осталась жить в Центральной Якутии в числе якутов, а другая убегая от ясака, откочевала к своей таймырской родине.¹ Дыгынча же, появившись в самых ранних списках ясачных, исчезает с арены. Что случилось с ним, нет сведений ни в письменных источниках, ни в легендах не- якутов. Правда, именно не якуты в тот период сжигали остроги и зимовья, но их легенды о том молчат. Тогда фактическим поджигателем острога в 1630 г. вполне мог оказаться именно долганский Дыгынча исчезнувший с арены чуть позже после 1632 г. По легенде же якутский Тыгын по одним вариантам погибает в сражении у горящего острога, а по другим — намного позже после пожара, попав в плен мстившим за пожар Тут сведения из разных источников как будто сходятся. Дыгынча исчезает как будто за что-то раннее содеянное и его люди уходят на Таймыр уже без него. А что он содеял, поди угадай. Именно этот случай мог быть легко использован якутскими поправщиками уже происшедшего задним числом. Ведь, именно у них издавна бытует обычай «Сделали не так, а надо было так». При этом подобные поправщики никогда не берут все с потолка, а берут факты свои и чужие, и подправляют их в свою пользу вплоть до сведений из даже чужих религий и историй других народов. А тут из Дыгынчи достаточно было убрать лишь его тунгусское окончание «-ча»

получалось вполне якутское имя Дыгын, который при оглушении переднего согласного становился совсем естественным якутским именем Тыгын. При этом создатели мнимого якутского Тыгына из Дыгынчи могли оправдываться тем, что добрая половина долган попала в число якутов и сожжение Дыгынчой острога и его гибели в плену — явление среднее между якутами и долганами. Раскаивавшиеся о «сплоховании» при первой встрече с русскими и стремившиеся хоть в легендах поправить задним числом «ошибку», вполне могли позаимствовать у долганского Дыгынчи фактическое сожжение острога и придать ему «должность» якобы «вождя» всех якутов, которого тогда вовсе не имело места у народа.

Если бы у якутов в самом деле был свой единый вождь в лице Тыгына, то письменные источники не имели права умолчать о нем. За умалчивание в Челобитных о вождях присоединяемых племен и народов тогда воеводам доставалось гораздо сильнее, чем за поражение в бою. Это исходило от царского наказа вести присоединение преимущественно путем мирных полюбовных сделок с вождями и знатью присоединяемых. Таким образом, отсутствие в письменных источниках сведений о живом или мертвом Тыгыне есть неоспоримый признак абсолютного отсутствия физического Тыгына и его выдумки намного позже создателями легенд, оправдывавшихся перед своими потомками за свою «оплошность» с русскими. А на созданный уже вымышленный образ поздним было довольно легко накладывать вымышленные детали. И тут пошли в ход и анекдоты, и выдерганные истины. Короче, образ Тыгына превратился в подобие восточного Насреддина Эфенди. И конструктивно легенды о Тыгыне создавались на манер приключенческих рассказов о Насреддине Эфенди. Короче, Тыгын был лишь темой для свободных импровизаций с 17 в. по 20 век. Каждый мог внести на данную

тему свой короткий законченный рассказик о том или ином «случае» с Тыгыном. Такой же темой для импровизации были темы о кыргысе, о боотурах и хосунах. Часто сюжеты их всех заходили друг в друга или в готовых сюжетах переставлялись имена. Особенно часто сюжеты Тыгына подменялись сюжетами о Туога-боотуре и обратно. Так в легендах о Тыгыне, Туога Боотуре и многих северных хосунах струсивший бежит от своих соперников, оставляя лишь вырезанную половину покрышки своего конического чума, ходит походами на своих соперников, ссора завязывается или из-за случайного убийства ездового животного, или из-за пера крупной птицы, идущей на оперение стрел. Скандалы из-за спортивных состязаний, намеренные нарушения обычаев из-за невест, из-за несогласия выдать дочь однотипны во всех тех темах. Тыгыновы легенды отличаются от других добавлением к упомянутым трафаретным сюжетам эпизодов встреч с русскими. Кыргызовы рассказы к тем трафаретам добавляли бегство, уход от преследования и т. п. Между тем легенды о Тыгыне явно были безусловными участницами и очевидцами процесса изначального рождения и формирования якутов как народ. Иначе они не говорили бы с такой, нетерпящей пересудов, уверенностью о конкретном личностном прародителе народа". При этом поразительно то, что, любящие поспорить, якуты за все три досоветских столетия не вставили в те легенды ни словечка против кандидатуры Тыгына на прародительство и ни слова не было вставлено с сомнением о привязке времени рождения якутов именно только в тыгыново время, т. е. после прихода русских. Явно оба факта были бесспорными, ненуждающимися ни в пересудах, ни в обсуждениях. Таковой бывает только произошедшая правда самой жизни. Короче все якуты 17 в. были очевидцами формирования якутов из конгломерата в связи с приходом русских и установ-

22

ления воеводского административного управления. И в качестве типичной детали формирования народа в - ставлен «кыргысов век Тыгына», т. е. период охоты за беглыми и сошлыми ясакоплательщиками. Тыгын был, видно провозглашен прародителем всех якутов как открыватель занавеса для начала «кыргысова века». Говоря иначе, легенды считали, что сожжение Тыгином острога и гибель за это считались самопожертвованием за рождение народа. Приписанные Тыгину походы для попыток покорения родов, видимо, задним числом перенесены на него от рассказов о сборе ясака.

Бросается в глаза резкость разграничения легендами эллевского и тыгынова периодов Якутии. Если на Эллевском этапе говорится об Адамовом начале зарождения

человечества вообще, то тыгинов этап говорит только о рождении одних якутов как народ. И повествует об этом процессе не общими словами вообще, а типичной для якутского рассказчика конкретностью и вычурной обрисовкой подробностей и деталей. Таким бывает якутский рассказчик только тогда, когда следует репортажно по фактам прямой практики жизни.

Именно отсутствие подобных жизненных деталей и подробностей с головой выдает поздние подделки легенд об Эллее и Омогое, осуществленные в конце 19 и в начале 20 вв. из-за соперничества идеологии православия и язычества.

Именно отсутствие таких типично якутских подробностей и избочивает (появившиеся из книжных источников и услышанного от предположений грамотных) версии о якобы переселениях с юга. Так, в записях 20 в. появляются просто голые, без деталей, перечни якобы прибывших извне родов. Без посторонних подсказок, Якутия с 17 по 20 вв. не говорила ни слова о пришельцах извне При упоминании о местных доякутских племенах говорилось односложно о майаатах и каких-то

кара-сагалах. Последние, видимо, являются забытым багажом из рюкзака языка бродяги — трех сагаязычий: хакасского сага-языка, долганского сага-языка и якутского сага-языка.

ГЛАВА III

ПРИШЛАЯ ВЕРСИЯ О ЯКОБЫ_ ПРИШЛОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ

При своем продвижении на восток воеводы распорным способом предварительно собирали разведывательные данные о боевой мощи и военной организации еще не покоренных областей, которые надлежало покорять. Те сведения состояли из вопросов: в чьем владении находится область, из кого состоит знать, каков бой: лучной или огневой, и строй: конный или пеший?

По поступившим предварительным сведениям, якуты оказались в числе возможных оказать серьезное сопротивление ибо они оказались обладателями, после «огненного боя» одного из самых серьезных видов оружия того времени — лошадей. Те воеводы еще не забыли память о мощи конных орд скотоводов и мощную военную организацию золотоордынских ханов. Поэтому, еще находясь в пути в сторону Якутии, они начали направлять в Москву челобитные с предположением о возможной принадлежности «конных» якутов к золотоордынцам. Подобное предположение усиливалось тем, что многие скотоводы енисейских соседей якутов оказались данниками монгольских Алтун-ханов. После прибытия в саму Якутию указанное предположение перешло в подозрение, будто якуты сознательно скрывают от русских свою былую принадлежность к какой-то части золотоордынцев. Они почти полторы века неустанно задавали всем якутам упрямо-неизменные вопросы: откуда приехали, 24

почему откочевали сюда и какой сухопутной скотопротонной дорогой шли сюда? Последний вопрос задавал, зная, что у якутов нет скотоподъемных средств водно транспорта. Все те расспросы зафиксированы в многочисленных челобитных, и не было ни одного случая, чтобы те челобитные сообщали о получении хоть от одного якута подтверждения о былой их принадлежности к золотоордынцам и переселении в такую непроходимую даль. В тех челобитных зафиксировано полное отсутствие у якутов каких бы то ни было представлений о своих южных соседях и какой бы то ни было дороги оттуда в Якутию. А дорога та, если бы она существовала, жизненно важна была бы самим землепроходцам для провоза грузов и скота. Однако, надежды отыскать когда-нибудь таковую не оправдались и через несколько столетий упорных поисков уже самими землепроходцами.

Расспрашивая о якобы былом южном происхождении якутов и переселении их оттуда, землепроходцы нередко с удивлением констатировали отсутствие у них даже элементарных представлений о смежных им южных областях. Так, в книге С. А. Токарева «Общественный строй якутов 17—18 вв.» приведены архивные документы о том, какую злую шутку сыграло с олекминскими якутами их полное незнание природно-климатических условий Забайкалья. Согласно тем документам, поверив байкам будто у озера Кушканда нынешней Читинской области не бывает снега зимой, группа олекминских якутов взяла да отправилась со скотом в ту сказочную Кушканду. А там снега и морозов оказалось не меньше якутских, и авантюристы потеряли весь свой скот. На те кричащие сведения не обращают сегодня внимания ни один из убежденных сторонников версии о якобы южном переселенческом происхождении якутов. Точнее, знают, но не желают считаться с ними из-за упрямой предрасположенности.

Указанные, неоправдавшиеся с самого начала, предположения и подозрения тех челобитных о якобы былой золотоордынской принадлежности якутов и их переселении в Якутию каким-то образом попали в руки западно-европейского ученого Н. Витзена. Тот предположение челобитных о золотоордынстве якутов превратил в утверждение о татаро-монгольской принадлежности якутов. Вот так простонародное предположение малограмотных землепроходцев 17 в. получило наукообразное оформление в книге того Н. Витзена. От нее и взяла свою изначальную разгонку, названная позже «аксиоматичной» «теория» о якобы южном переселенческом происхождении якутов. Любопытно, в течение почти четырех столетий целая армия сибиреведов и якутоведов сознательно занималась подбором все новых и новых подпорок, дабы не рухнуло указанное сознательное извращение истории целого народа. И подбиравшие данное извращение знали его изначальную неправоту. И не отыскалось никого, чтобы одернуть подтасовку. И все из-за «научного» обычая делать лишь реверансы сказавшим слово первыми. С другой стороны поддерживать Н. Витзена приходилось почти поневоле: ведь, писать-то о прошлом якутов надо было ради хлеба насущного. А сказать что-либо другое, о прошлом бесписьменного народа никто не имел правдоподобных сведений. Оставалось им лишь латать обветшавшее витзеновское новопридуманными заплатками. При этом каждый придумавший новую заплатку, молчаливо и открыто претендовал на авторство той теории, рассчитывая на историографическую малоосведомленность рядового читателя. И те претензии почти оправдались: никто с самого начала не назвал теорию о южном происхождении якутов ни «витзеновской», ни «землепроходческой». Вместо тех подлинных двух авторов, ту теорию приписывали то одному, то другому. И эта обезличка вооду

шевляла все новых и новых претендентов-ремонтников мечтавших, что и им припишут авторство обезличенной теории наконец, часть поздних авторов сознательно запутывала происхождение данного народа, чтобы эта высокоудойная проблема — корова и в дальнейшем доилась с прежней доходностью. Все же Витзен в раннем этнографическом сообщении о новонайденных якутах без всяких предвзятых умыслов объявил их монголо-тата рами не совсем поняв предположительный характер чело-литных. При этом он и не предполагал, что его высказывание ляжет в основу теории противоречащей все общему мнению самих якутов о своем происхождении.

У Последователей же мнения Н. Витзена в основу поддержки версии Н. Витзена лег самый натуральный умysel, т. е. Предвзятость. Они стали горой за версию Н Витзена ради уничтожения якутского этноса и не признания способностей якутов самим создавать на полюсе холода ни от кого независимое самобытное скот», водство. Они полагали, что полюс холода — не место для самостоятельного зарождения оригинального животноводства. Им и не снилось, что впоследствии в самом сердце полюса холода будут раскопаны останк антропогеновой лошади, очень похожей на сегодняшнюю якутскую лошадь и якутская порода скота стихийно докажет свое местное происхождение. Последнее полу-пило* случайно во время борьбы за повышение жирности молока. При проверке жирномолочности обнаружилось, что жирность молока якутской коровы в /-» процентов не уступает рекордсментке планеты —герн- зейской породе. А жирность молока- средство защиты детеньша от низких температур. И никто не удивился столь большой жирности молока коровы из полюса холода. Однако, скептики усомнились, пойдет ли данная корова как материал для увеличения жирности молока других пород путем скрещивания. Усомнились потому,

что якутских коров считали привезенными извне и приобретенная путем акклиматизации жирность молока не станет таранить генетическую наследственность других пород. Однако первые же опыты убрали те сомнения. Теперь якутская корова числится как ценнейшая порода для повышения жирности молока других пород. И никому не пришло в голову о том, что описанной способностью якутская корова убедительно доказала свое непривозное местное происхождение. В итоге, оказались вполне доказанными, что и корова, и лошадь якутов не привезены ниоткуда. Все же не считающиеся ни с какими упрямыми фактами, не признали и данные аргументы самой практики жизни. Они сегодня продолжают уверять, будто бы животноводство якуты привезли из теплого юга...

Таким образом, из-за отказа якутам в способности самим без чужой помощи создавать скотоводство, все послевитзенновское якутоведение и изучение происхождения народа пошло по линии незлонамеренного, но неуклонного теоретического уничтожения якутов как самостоятельный, самобытный, ни от кого независимый этнос и народ. Его уничтожали и уничтожают путем превращения в сборище изгойных беженцев, пустившихся навстречу холоду и голоду на гиблый полюс холода из-за неспособности выжить среди своих на степном юге, в древности занятом одними войнами и грабежом. Из-за такого приписываемого происхождения все оригинальное самобытное якутское уничтожалось путем приписывания его к привозному извне, якобы из былой степной скотоводческой прародине. После подобной передачи выдуманым якобы степным предкам всех культурных и жизненных успехов, якут получался таким пустоголовым народом, неспособным ничего придумать для себя и своей жизни, и пользующимся одними готовенькими выдумками «своих», печально «престижных»

войнами, степных «предков». А о том, как выжили подобные беспомощные второсортные древних каганатов и ханств в экстремальных условиях Якутии, не подумали ни ученые-якутоведы, ни, гордящиеся подобным выдуманном происхождением, сегодняшние образованные якуты. Любопытна странная гордость значительной части сегодняшней интеллигенции Якутии быть родичами и потомками древних каганских и ханских вояк. Из всей истории человечества они считают престижными для себя лишь колониальные и карательные войны и победы в тех кровавых делах. Чтобы не обиделось сегодняшнее якутоведение, последнее выбирает своими предками только тех, кто пролил больше крови побежденных и поработенных и выставляет себя почти прямым участником тех древних кровопролитных побед. К ряду побежденных, но культурных, они себя не причисляют. Так они выставляют себя потомками древних тюрков, хуннов, уйгуров, монголов, персов, ариев, но не китайцев, тибетцев и индийцев. Почему так популярны для них кровопролитие и война — уму непостижимо. Даже с опозданием на целых полвека, Якутию выставляют «страной эпоса» именно из-за одних смакуемых в эпо-сах, «героических» кровопролитий. И молодежь заставляют изучать и гордиться тем картинным кровопролитием и жестокостями, не забывая сетовать на рост сегодня кровопролитной преступности. Возможно, кровопролития древности столь «престижны» для сегодняшних якутов из-за того, что издревле мирные якуты, не натерпелись поучительно от несчастий войн на собственной территории. Именно ради гордости войнами якобы «предков», истории всех войн древних каганатов и ханств выставлены как древняя история самих якутов.

Вот такова история третьего, официально признаваемого мнения о происхождении якутов.

**ОЛЕНЕСКОТОВОДСТВО — ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ
ВОЗРАСТНОГО СТАРШИНСТВА
СЕВЕРНОГО И ЯКУТСКОГО ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА НАД СТЕПНЫМ ЖИВОТНОВОДСТВОМ**

Не появившись столь рано подозрение о возможной ордынской принадлежности якутов, этнография этого народа была бы изучена без всяких предвзятостей. А при неотвязном гипнозе версии о якобы составленности якутов из неприжившихся в степях, этнография якутов занималась и ныне занимается не выявлением самобытных особенностей жизни и культуры данного народа, а отбором того, что из созданного якутами отобрать от них и передать в собственность древним соседним степнякам. К удивлению, подобным раскулачиванием созданного поколениями предков сегодня занимаются собственноручно сами якуты.

При такой последовательной конфискации и передаче в собственность чужим, у якутов не осталось почти ничего, признаваемого созданным ими самими. Скотоводство степное, фольклор — степной, материальная и духовная культура — степные. Короче, не самостоятельный думающий народ, а бездумные потребители готового, созданного другими. И это вполне устраивает сегодняшних, борющихся за возрождение своего народа.

Между тем, если разобраться без предвзятостей, все якутское не похоже на степное и самобытно самостоятельно. И возраст созданного якутами настолько древне, что все степное кажется вчерашним. К числу таких чисто северных якутских особенностей относится древнейшее оленескотоводство, по сей день не замеченное ни одним якутоведом и сибиреведом. Наоборот, они считают оленеводство антиподом лугового животноводства **30**

Из-за редкой приспособленности к природе Севера и Якутии, реликтовые остатки оленескотоводства сохраняются по сей день в Оймяконе Верхоянье Колыме .Ин-дигирке, Булуне, Жиганах, в Амгинском Ляги, Горном улусе. В доколхозное время оно было массовым на всех дальних окраинах. Этот комплекс максимально использовывал все охотничье-рыболовные и пастбищные ресурсы участка, сохраняя абсолютно нетронутой природу. Последняя, не вмешиваясь в самозащитные многовековые приспособления природы, добивалась постоянной стабильности урожаев дичи, рыбы, оленьих и лошадино-коровьих пастбищ. Только такой гарант обеспечил многовековую непрерывность рода человеческого на Севере и в цитадели фабрики холода — в Якутии.

Не зря говорят: «Все великое просто». Главным снабженческим стержнем оленескотоводства был охотничье-рыбный промысел на оленем транспорте. Он давал чуть ли не все потребное семье. Чтобы не оставались без дела травы около водоемных диких полос лугов, такая оленно-промысловая семья одновременно держала детям' на молоко считанное количество коров и кобылиц. Количество поголовья последних не должно было обременяющим перекочевкам оленного промысловика и превышать кормовые возможности наличных на участке трав диких лугов.

Пища оленескотовода состояла из добытых на промысле рыбы и дичи. Хлебом служила сосновая заболонь. Отсюда, древодество составляло одно из неповторимых отличий якута, которое не встретить ни на одной степи. Желудок, способный переварить древесную еду, невозможно было привезти из безлесной зоны, ибо по- добная способность была наследством многих поколений одних лесовиков. Неповторимы и якутские способы запасаения мясной, рыбной и растительной пищи впрок и сама кухня оленескотоводов по технологии и термий-

нам тунгусоязычны и угросамодиязычны, т. е. соответствуют языкам таких крупнейших гидронимов как Лена, Алдан и т. п. Таков головокружительный возраст кухни оленескотоводства якутов. Относившие культуру якутов к вчерашнего возраста степнякам, не заметили и такого слона якутской культуры.

Разделение труда в науке раздробило представление об истории жизни так, что от отдельных раздробленных черепков историй жизни не получить цельного панно общей картины. Например, абсолютно неизвестно, какие отрасли занятий предшествовали каким. Бесспорно только то, что самые ранние люди были охотниками, рыболовами и собирателями. А как дальше пошла последовательность одомашнивания животных и растениеводство по отдельным культурным видам покрыто плотной завесой неизвестности. Тут археология иногда выкидывает неразгадываемые загадки. Например, на одном из скифских курганов был обнаружен череп лошади в золотой маске из головы оленя с рогами. Что означал подобный символ, все еще не сказано ничего убедительного. На мой взгляд, тот символ подчеркивал роль оленеводства в истории появления и распространения лугового животноводства. Символ тот явно подчеркивал о том, что олень — главнейшая опора высокопродуктивного охотничье-рыбного промысла вырастил на своих хрупких плечах и распространил вширь все луговое животноводство северной части Азии. Лаконичнее и выразительнее чем та золотая маска древних мудрецов не сказать и не изобразить об упомянутой истории жизненной правды хозяйствования...

Путь развития животноводства Севера Азии, о котором хотела рассказать потомкам та скифская золотая маска оленьей головы, пожалуй, в живом виде во всех деталях сохранена в истории оленескотоводства Якутии — прародительницы всего животноводства Якутии.

Первой в Якутии была одомашнена, очевидно, собака, точнее, якутская лайка. Она стала правой рукой промысловика, ибо без собаки в данном крае промысловик не был промысловиком. Пеший охотник вначале ходил с ручной нартой — разновидностью охотничьих лыж. В тундре, где больше рыбы для кормления собак, появилась собачья упряжка, и «пеший» промысловик превратился в «собачный». Тех «собачных» вилейские якуты называют «ыт сылгылаах». Термин, видимо, подчеркивал накладывание на собак транспортных функций ездовой лошади.

Метод приручения собаки путем одомашнивания щенка потом был перенесен на диких тугута, жеребенка и теленка.

В исторических преданиях, легендах и эпосах якутов, долган, эвенков, эвенов, чукчей, коряков, энцев, нганасан, хамниганов (омонголенных эвенков) сохранились почти все подробности одомашнивания оленей и луговых травоядных. Оказалось, приручение пойманных детенышей протекало успешно только там, где меньше и малочисленнее стада диких копытных. Дикие уводили одомашненных на любом этапе прирученности одомашненных. Натуральным бичом одомашнивания были сезоны миграций копытных. Мне лично привелось наблюдать как многотысячные стада диких оленей в тундре уводили с собой стада домашних оленей с поголовьем до 2—3 тысяч голов. Ни ружейная канонада, ни стайка злых оленегонных собак, ни крики групп оленеводов не были в состоянии приостановить стихию лавины диких. Они, давя и топчя зазевавшихся людей, собак, домашних оленей, половодьем напирали только вперед. А уведенных одомашненных и отыскать не удавалось. По словам самих оленеводов, одомашненные до единого погибали в диком стаде. Таким образом, места наибольшего скопления крупных стад диких дольше других

оставались недоступными для содержания"одомашненных. Одомашнивавшие держались на значительном расстоянии от тех опасных участков, приходя туда только охотиться на диких. Одомашненными те пастбищные просторы были заняты только после истребления преобладания диких, и поголовье одомашненных численно стало превалировать над дикими. Отсюда, колыбелью одомашнивания копытных явно была зона тайги, где вдали от увода превалирующих масс диких, одомашни- ватели, не спеша, накапливали поголовье одомашненных. По мере увеличения поголовья одомашненных и возникновения нехватки пастбищ, domestikаторы продвигались в сторону концентрации естественных просторов пастбищ, наступая на владения пастбищ диких. Степь и тундра были заняты одомашненными, очевидно, после истребления диких. Таким образом, занятие одомашненными копытными степей и тундр было первым крупнейшим нарушением естественного экологического равновесия фауны указанных зон.

Начало одомашнивания копытных и темпы накопления последних оказались неодинаковыми, т. е. одновременными даже в пределах Якутии, Таймыра и Чукотки. Предания, легенды и эпосы народов указанного региона полны повествованиями о разных аспектах той проблемы. Места чрезмерного обилия копытных, оказалось, были в числе самых опоздавших с одомашниванием копытных. Они до самого последнего момента оставались приверженцами лишь ведения охоты на копытных и часто всорились с domestikаторами на почве расхождения взглядов на domestikацию животных вообще. Конфликты многих эпосов и легенд этого региона строились из-за противоправной охоты на одомашненных копытных соседей и споров о посягательстве domestikаторами на дикую свободу копытных. Защитники свобод копытных в эпосах и легендах довольно эффектно поле

мизируют в качестве адвокатов очеловеченных по религии копытных. В эпосах духи мертвых, явившиеся на конкурс зятевания, лежа в своих воздушных гробницах, охотятся на одомашненных копытных невесты из-за непризнания правомерности доместикации копытных или из-за отсутствия до их смерти примера одомашнивания копытных.

У энцев слово «охотник» и сегодня звучит как «моренда», т. е. «охотник на лошадей». Видимо, ими были истреблены последние косяки диких северных лошадей. В Якутии до конца 19 в. путешественники и этнографы искали остатки косяков диких местных лошадей, именуемых «снежными», опираясь на навязчивые слухи о якобы сохранении в необжитых уголках остатков диких снежных лошадей. Те слухи старые люди в доколхозное время объясняли и наличием факта одичания на дальних участках беспризорных лошадей умерших бездетных старцев, и наличием палеолитического обычая «кый».

Это, пожалуй, единственный по всей планете экологический обычай-обряд, направленный против приручения не только копытных, а вообще любой живности. Он сливался воедино с обычаем-запретом «не играть дичью», «дичь — не игрушка для развлечения детей». Данные обычаи-запреты — свидетели того, что приручение живности началось, очевидно, еще у палеолитических охотников и имело изначально не всегда серьезные хозяйственные цели и не всегда было удачно. Началось оно, видимо, с сердобольного подбора подранков и осиротевших беспомощных детенышей. К присмотру за такими подопечными явно пристраивались дети. Отсюда и запреты: «дичь — не игрушка», «не играй дичью». Они требовали обязательного выпуска на волю подобных прирученных. Ранние опыты одомашнивания животных, в том числе и копытных, явно были отнесены непризнававшими практику приручений к тем ранним животным

игрушкам. Таким образом, и палеолитические люди не были шиты лыком. Они, возможно, были намного сердобольнее нас, сегодняшних, и возможные результаты экологических разрушений угадали на тысячелетия раньше нас, относящих палеолитических людей к «дикарям».

По сохранившимся сведениям, изначально «кый» требовал незамедлительно возвратить в родной дикий табун всех до единого прирученных и одомашненных лошадей. Мол, не дело держать в неволе родившегося свободным копытного. Позже «кый» пошел на компромисс. Стал требовать от определенного количества одомашненных отпускать на волю определенное число.

Тайком от церкви якуты справляли обряд «кый» вплоть до середины 19 в. Вариантов его немало. Полное их описание составил бы самостоятельную монографию. И поздние варианты «кый» выглядели наказанием богача за превалирование накопленных им лошадей за пределы допустимого количества поголовья этих^одомашненных. Как только перевалит за допустимый рубеж, богач обязан был подобрать определенное количество одномастных и одновозрастных лошадей и отвести их в самые дальние безлюдные дикие пастбища и выпустить на волю. В прошлом, когда имелись дикие табуны, отпускаемых на волю обязаны были присоединить к тем диким косякам. Возвращение домой таких выпущенных на волю считалось предзнаменованием скорого полного разорения того богача. А долгое сохранение в живых отпущенных на волю лошадей причислялось признаком дальнейшего процветания той богатой семьи. Характерно, отпускаемых на волю лошадей, считавшихся отсылаемыми к их предкам, отгоняли не на юг в степи. Их отгоняли лишь на дальние дикие пастбища самой Якутии. Это почти невольное указание самими якутами происхождения коневодства Якутии и цодчер-

кивание мест добывания контингента диких лошадей для одомашнивания. Короче, обряд «кый» — живой свидетель местного происхождения коневодства Якутии. И тот же обряд — указатель возрастного старшинства якутского коневодства над коневодством северо-азиатских степей.

В легендах, преданиях и эпосах народов Якутии и Таймыра имеются намеки о наличии в прошлом аналогичных обрядов «кый» для коров и оленей. Полвека охотился я за помнящими те обряды, и не повезло. Свечения о них канули в вечность.

Как видим, оленескотоводство Якутии представляет собой, сохраненный игрой судьбы, музейный образец капов развития животноводства Северной Азии с первых дней его рождения до появления у него специализированных отраслей. В оленескотоводстве Якутии очень отчетливо видны взаимоотношения и взаимосвязи промыслов, лесных и луговых видов животноводства. В оленескотоводстве до появления полной самостоятельности всех отраслей животноводства, единственным главным кормильцем оленескотоводов были охотничий и рыбный промыслы. Нарождавшиеся оленеводство и луговое животноводство имели лишь вспомогательно-подсобное значение. Ни один из видов животноводства на своей заре и не имели самостоятельности и не в состоянии были прокормить своих приверженцев самостоятельно. Особенно беспомощными были очень допоздна все виды лугового животноводства. Оленеводство не с самого начала появилось как прислуга к промыслам, как его живое вездеходное средство передвижения. На мясное направление оно вошло широкомасштабно только в советское время и чуть раньше в специализированных хозяйствах редких богачей. В этом смысле оно сыграло роль натуральной няньки при младенчестве, юности и отрочестве луговых видов животноводства. Вот почему древний ювелир ос-

тавил в скифском кургане золотую маску в виде оленьей головы, покрывавшей череп лошади.

Как видите, якутское животноводство никогда не было копией степного животноводства, состоящего из одних луговых животных и без посторонней помощи кормившего своих приверженцев — степных чистых скотоводов. В противоположность степному, якутское луговое животноводство никогда самостоятельно не кормило своих приверженцев, и таковым оно остается по сей день. Якутскому луговому животноводству с первых лет рождения по сегодня, требовались и требуются постоянные няньки в виде других отраслей комплекса, без поддержки и присмотра которых оно — не жилец на белом свете. Грудной свой возраст и юношество на диринговом этапе оно прошло при материнском вынянчивании охотничьих и рыбных промыслов на олеином транспорте. Короче, прошлое якутского лугового животноводства, вместо вышеупомянутой золотой маски оленьей головы на конском черепе, можно бы изобразить в виде коня и коровы, вольготно лежащих на нарте, которую тянут впряженные в ту нарту олень и промысловая якутская лайка. Это изображение одновременно было бы символом оленескотоводства и Якутии, и Севера. И такого седого старца — оленескотоводство диринговой Якутии сторонники ордынского происхождения якутов заставляют «рождаться» от вчерашнего по возрасту степного лугового животноводства.

Несостоятельность версии о якобы ордынском происхождении якутов, обнаруженная самими же землепроходцами 17 в., была известна всему многовековому корпусу досоветских якутоведов, и они сознательно избегали деталей как переселения предков якутов с юга, так и хозяйственных основ миграции. Для ловчения они то ссылались на «постепенность» переселения (хотя все равно не кормить же было скот древесиной в бестравной

тайге), то пытались подогнать поближе к Якутии предполагаемую южную прародину якутов. Наконец, от некуда деваться та «южная» прародина была помещена в не столь «южном» верхоленском Усть-Куте у тунгусов рода Ушкан — в прошлом в Юч Хоро-Кан. В таких подтасовках та версия продержалась три с лишним столетия.

Г Л А В А V

РАЗЛИВ ПОЛОВОДЬЯ ТРЕХ САГАЯЗЫЧИИ «УС САГА»

Язык — своего рода стихия. Его безудержное пространство и исчезновение очень напоминают вешнее половодье. И неизученность механизма и закономерностям этой стихии привели к неправомерному смешиванию простого распространения моды на язык с «рождением» этноса и народа. Эти два разных явления ни в коем случае нельзя смешивать друг с другом. Например, разве > |сдует ли отнести всех русскоязычных бывшей СССР |' этническим русским. В другом примере, разве, созданную в 30-х годах 20 в. административным постановлением, хакасы, на Енисее «родились» как народ из-за единства языка? Кстати, пример «рождения» хакасов ломает все сегодня применяющиеся научные определения «что такое рождение «этноса и народа» и «кто тайне этнос и народ?» Хакасы были созданы приказным способом из разношерстных племен и родов, имевших каждый свою самостоятельную историю языка, жизни и культуры. Как теперь объединять воедино историю «рождения» каждого из них и как влить в единое неделимое историю сегодняшнего хакасского языка, когда проблематично составить даже общий словарь хакас-

ского языка из самостоятельных словарей самостоятельных языков бельтиров, куманды, кызылов, сага-сагайцев и других.

Другим моментом, ставящим мозги гуманитариев набок, являются такие элементарно практические явления: почему одни языки побеждают другие языки на жизненном конкурсе и кто непосредственные физические распространители языка-победителя. Понимать это слишком просто, потому и все ломаются, мудрствуя над открытым и видимым, даже школьнику. Ведь, побеждает, не считаясь с уровнем развития, только тот язык, который стал модным. А модным становится только тот язык, который стал «перспективным», «престижным», т. е. получивший возможность сытнее прокормить своих приверженцев. Такое усиление кормящих качеств конкретного языка зависит или от политической победы носителей языка, или от становления высокодоходным, обслуживаемого данным языком, типа занятий. Тут примеров хоть отбавляй. Язык правящих политически этносов и наций — администраторов всегда модны на своей территории, ибо административные выгоды ставят вне конкурса кормящие качества того языка. Таковы правящие языки всех государств, особенно империй. И после краха тех империй, реваншистские настроения очень и очень долго пользуются как политическим знаменем бывшее имперскоязычие, именуя его то «однойязычными», то «родичами по крови», то «братьями по языку». На деле же все те имперскоязычные всегда были «родственны по крови» как сегодняшние русскоязычные бывшего СССР.

Примером повышения кормящего качества языка не из политико-административных причин является сегодняшнее многоязычие в западных странах. Некогда граждане каждой страны Запада были однойязычны и коренной их язык кормил их надежно. Когда же на

трон жизни тех стран села ее Величество Безработица, нее кинулись застраховать себя многоязычием, ибо единственный родной язык утратил значительную часть своих кормящих качеств. А многоязычие обеспечивало дополнительные источники за счет ресурсов дополнительных языков. И распространителями того многоязычия становились не чужие, а только собственные родители ребенка. Чтобы обеспечить надежное будущее своего ребенка, хоть из-под земли добывали своему чаду нужные, доходные, престижные дополнительные языки. Естественные авторы тех дополнительных языков, кроме института гувернерства, никогда не выступали в роли распространителей своего языка среди чужих. Если бы что-то зависело от их воли, многие бы попытались даже противодействовать, ибо речь шла о разделе доходов от языка. Это то элементарно простое практическое, которое не поняли по сей день изучающие происхождение народов и рядовые, интересующиеся проблемами этногенеза.

Самым броским примером повышения кормящих качеств языка и становления его притягательным посторонним является тунгусоязычие, обслуживающее охотничий и рыбный промыслы на оленнем транспорте. При пешести всех остальных аналогичных промысловиков, вооруженность оленним транспортом, расширяя площадь охвата угодия, увеличивала добычливость промысла в несколько раз. Именно из-за повышения добычливости, пешие промысловики так дружно ухватились за этот язык, обслуживавший в тот период самый высокопроизводительный вид промыслового дела, тунгусоязычие чуть ли не целиком охватило обширнейший регион от Тихого океана до Енисея. Оно бы распространилось и дальше на Запад, если бы на Енисее и Оби не встретилось с самодиязычным типом такого же вида труда.

Неизвестно, кто первым создал оленеводческие тунгусоязычие и самодиязычие. Можно лишь догадаться, что оба язычия изначально имели свой эпицентр и место рождения и, подхваченные заинтересованными соседями, пошли распространяться вширь не обязательно с одного края, во все стороны, подобно расходящемуся кругу волн от упавшего в жидкость твердого тела. Чем дальше от изначального времени распространения, тем сильнее исчезают следы, указывающие кто изначальный автор данного язычия. Отсюда, нет уверенности утверждать о том, находятся ли все сегодняшние языки планеты у своих изначальных авторов и являются ли заимствованными от чужих авторов.

Подобная переходчивость с рук в руки позволяет думать о том, являются ли языки-эстафеты вообще собственностью какого-то конкретного этноса и не относятся ли таковые собственностью какого-то кормящего типа занятий. Так, например, скотоводческому языку абсолютно безразлична этническая принадлежность взявшегося заговорить на' этом языке из-за вынужденности кормиться скотоводческим трудом. Он обслужит с одинаковым рвением и уранхая-бывшего самоди, и кипчака- бывшего угро, и кавказца-балкара, и анатолийца-турка, и якута-диринговца. При этом в условиях древнего отсутствия узаконенных и неизменных языковых нормативов, каждый побежденный как бы в отместку покорёжит ультраосновной скотоводческий язык до образования абсолютно нового самостоятельного языка у каждого потомка побежденного этноса. Так, именовавшийся древнетюркским, скотоводческий язык, победно продвигаясь в боях на Запад, практически уничтожал себя, оставляя взамен массу гибридных скотоводческих языков. Таким образом, от самоистребивших себя в боях физически древних тюрков и их древнетюркоязычия остались лишь одни их гибридные тени. Сменившие их

новые гибридные языки и этносы сохранили одну лишь условную память о нем под названием «древнетюркский скотоводческий» или просто «тюркский-скотоводческий».

Как повествует древне-орхонский «Памятник Кюль-Тэгину», Древний Енисей до этого кагана был еще никем не колонизован, многолюден и культурно развитее древних тюрков. Его основное население составляли тавгачи — предки уранхаев. Слово «тавгач» явно составлено из комбинирования этнонимов «тавг» и «ас» наподобие «Дстек» («Ас», «те», «к»), «Тавгами» издревле по сей день называют только бывших самодиязычных. «Ас» — кстоязычные Ас-Асаны или Эдьэны. Отсюда, тавгачи — ИНО комбинированные Тавги и Ас.

В жестоких и многолетних боях каган впервые поращает тавгачей-самоди. С того времени и пошла тюркизация бывших самодиязычных Енисея, превратив их и уранхаев.

Сами уранхаи до сравнительно недавнего времени состояли из конгломерата разноязычных родов и племен. Они в разное время входили в составы множества дробных административных единиц — владений каганов, беков, тайш и т. п. Даже в первые годы советской власти они по дробным кускам входили в Ойротию, Танну-Тува, Тувинскую Народную республику, Советскую Итуру. Остальная их часть до 30-х годов 20 в. были самодиязычными административными единицами под названием Бельтир, Койбал, Кызыл, Куманды, Куулар (Лсбедицы), Сага (по-русски «сагайцы») и т. п. Этих Последних постановлением советского правительства Приказали объединиться в один новый народ под названием Хакас. Видимо, Хакас и Карагас вытекали из давних самодийских понятий «Кас» или «Каса» — «Человек и «Каа», «Кара» — «Малый» и «Большой» (сравнит с названиями трехверховий реки Енисей: «Каа

Хэм», «Бий Хэм» и «Улуг Хэм» — малый, большой и великий ветви). Любопытно, какую дату называют сегодня историки-сибиреведы датой «рождения» народа «хакас»: то ли приказного создания советского правительства объединенного народа «хакас», то ли разные даты появления врозь бельтиров, койбалов, сага и т. п. Если взять за основу советский приказ: хакасы — народ вчерашнего «рождения», лишенный исторического прошлого. А если ту историю попытаться вести врозь по племенам, кызылы не примут за свое прошлое бельтиров и сага — прошлое койбалов и т. п. И такой разнобой был бы вполне обоснованным, ибо каждый из тех племен имел свой язык и прошлое, непохожее на других. И хакасов, и ойрат, Танну и Тува оптом издавна принято называть и «тавг» и «уранхай» от приписания им общего угро-самодийского предка «Иу» в превосходной степени «Йурен», а во множественном числе «Йурэн» или «йурэнхай» или «Уренгой».

Все Йурэн-Уранхаи в лице своего верхне-енисейского тавгача, колонизованные древними тюрками Кюль-Тэ-гина, постепенно в веках пошли тюркизироваться.

Странная теория о якобы степном происхождении якутов уверяет будто после поражения от кюльтэгинов-ских войск тюрков самодийская кровь тавгачей и их потомков уранхаев моментально стала этнически тюркской. Выходит, военные баталии есть хирургическая операция по переливанию крови победителей в тела побежденных, чтобы моментально изменить этнически антропологический тип последних. Если бы было так, то африканцы и американские индейцы давно бы превратились в белых европейцев, ибо они потерпели столько поражений от колониальных баталий. В самом же «Йамягнике Кюль-Тэгину» повествуются события отнюдь ненаправленные на породнение крови у противников. Во вводной части своей летописи Рашид-ад-дин

сообщает, что ханская канцелярия приказала ему составить ту летопись для ограждения имперской крови от порчи пробью победенных вассалов ханства.

Распространение имперского тюркского языка, надо полагать, тогда проходило по обычной трафаретной схеме малообразованных стран и империй. Тогда сегодняшнего закона о государственном языке не было. Имперскому языку в тех условиях явно приходилось отстаивать свои имперские права методом, рассказанным в летописи Рашид-ад-дина — выпячиванием в повседневной жизни преимуществ и привилегий этносов-завоевателей и унижения поработанных племен по образцу объяснения в русско-монгольском словаре понятия «уранхай» — «оборванец» или превращения того же понятия «уранхай» в уничижительное, нарицательное в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского. Тюркский язык, дошедший до якутов по эстафете через десятки языков-эста-фетчиков, сумел-таки дотащить до якутов ругань тюрков по адресу бесправных поработанных уранхаев. И якутский язык, с гордостью относящий себя к дальним потомкам самодийского языка уранхаев, по необразованности автоматически повторял тюркскую ругань на своих же предков-уранхаев. Тут хоть стой, хоть падай.

У дошедшего до оставления на камнях письменных эпитафий на каганов типа Кюль-Тэгина, все же, надо полагать, не было ни массовых школ для обучения всех детей империи, ни узаконенных письменных нормативов языка для пропаганды имперского языка. При этом из-за многосоставности жсамих тюрков-завоевателей единого имперского тюркского языка явно не существовало. Вот почему древнетюркский язык моментально исчез из арены как только отошел в завоевательных походах от своей колыбели-орхона. Отойдя от Орхона, многожаргонный древнетюркский язык, невзирая на имперскую позицию, в каждом завоеванном участке вступил почти

в неравную борьбу с местными языками завоеванных и одерживал пиррову победу. Говоря иначе, в каждом иноязычном регионе он пошел создавать все новые и новые протюркские языки, изначально представлявшие собой простейший «простонародный» жаргон — помесь местных языков с тем или иным подвидом имперских языков. Со временем, по мере ослаблений власти тюрков в каганатах и ханствах, те жаргонные языки пошли оформляться как полноправные самостоятельные языки. Они при этом не находили нужным и/ называть себя «тюркским». Поэтому и сохранивших название «тюркский» позже оказалось только два языка: огузский у туркменов и «османский» у анатолийцев.

На Енисее помеси разных подвидов языков имперских тюрков в смеси с многочисленными самодийскими, угорскими, кетскими, ас-асан-адянскими, тунгусскими, майаатскими, остякскими, оду-удэ-юкагирскими, чаучи-чукотскими, нымылан-нам-коряками, селькупскими, хантыйскими, энецко-ненецкими, сага-сагайскими и пр. пошли образовывать также протюркские языки с собственными названиями, среди которых не было ни одного, * пожелавшего сохранить имперское название «тюркский язык». И это вполне понятно: енисейские протюркские / жаргоны окрепли и превратились в законно самостоятельные языки намного позже, когда уже увяли лавры победителя-завоевателя у тюркских разновидностей имперских языков. Ставшие имперскими, наравне с тюркскими, монгольские языки также не навязали енисейским языкам (местами сохранившим до 19 в. остатки своих самодийских) свои названия. Таким образом, ни один из енисейских языков не назвал себя языком хал- ха, халмах. Только в лексику енисейских языков просочились редкие монгольские слова.

Получили, надо полагать, енисейцы Натуральные разновидности древнетюркских языков с первых рук

только там, куда сумела пробиться с боями конная армада каг\на Кюль Тэгина. И у тех, вероятно, осталось не очень большое число «учителей» натуральных древнетюркских языков, ибо конная армада Кюль-Тэгина после верховьев Хэма-Енисея двинулась дальше на Запад к Иртышу, громя и грабя самодийцев-тавгачей. На- местниками-з^крепителями завоеванного в верховьях Енисея оставлялись, по-видимому, не очень многие, непригодные к вринской службе. И те, вероятно, считали ту миссию наказанием, ибо от жизни грабежом должны были перейти к доходам от одной дани, имеющей все же подобие правовых порядков. Конница же Кюль-Тэ- гина промчалась через верховья Енисея, по-видимому, только там, где имелись наиболее обширные пастбища для армады конной армии. Вглубь на Север должны были посылать небольшие отряды покорителей-карате- лей позже уже наместники, стремившиеся увеличить ПЮИ доходы от дани за счет даней беспомощных дальних родов, живших в непроходимостях для большой конницы. Согласно сохранившимся в тех местах легендам и наскальным рисункам, подобное занятие оказалось небезопасным для самих наместников. И последним пришлось видоизменить тактику. Сами древние тюрки Прекратили походы в те опасные, природой защищенные Лили. Они пошли на створ с верхушкой самих тех дальних племен и стали назначать их собирателями дани Для каганатов у своих же соплеменников. Говоря иначе,

• и ноевание дальних областей пошло не силами переселенцев — древних тюрков, а силами своей же местной верхушки без участия переселенцев. Этим методом, веки спустя, умело воспользовались царские воеводы. Короче, Для дальних окраин «тюрками-завоевателями» в пользу каганата стала своя же местная верхушка.

Вот те-то свои доморожденные «тюрки-завоеватели», т. е. свои местные наместники каганата и стали самы-

ми рьяными проводниками языковой и политической тюркизации глубинок Енисея. А какая у них была языковая база? Ни учебников, ни словарей, ни книг, ни радио, ни газет тогда не было. Модные имперские и неоднотипные тюркские языки приходилось «изучать» лишь на слух и не всегда правильно угадывая значения слов и понятий. И «учителями», подававшими образчики имперского языка, были не сами натуральные древние тюрки, а свои же енисейцы — ближайшее соседи, тоже кое-как балакавшие на невероятной смеси подobia тюрского со своими местными самодийскими и иными языками. Такое «тюркское» балаканье — от соседа к соседу, наконец, докатилось и до самых окраин северных | племен — Сага, которых русские называли «сагайцами».

По крови енисейские сага относились к древнейшим угро-самоди группы «Йу», называвших себя «Великим Йу», т. е. «Йуре» — указатель превосходной степени. Во множественном числе «йуре» образовывало название «Йурэн» (у якутов «урэн», «урэн Хобуун»), по монголоязычным летописям «йуренгой», «Уранхай» и «Урэнгой». Название этнонима «Уренгой» до нашего сегодня сохранилось там, где и в помине не было тюр- | коязычия — в центре газового месторождения Севера Западной Сибири. Это лишнее свидетельство об исходном угро-самодийском происхождении уранхаев, подвергшихся тюркизации только после завоевания их полчищами кагана Кюль-Тэгина. Отсюда, образовавшийся от смеси тюркского и угро-самодийских языков, язык абаканских сага называется потомком уранхайского языка, имея в виду его угро-самодийскую часть, а не пришлый винегрет имперского тюркского.

Самоназвание абаканского сага-языка могло возникнуть и на поздней тюркской основе «сага», т. е. «самый крайний тюркский язык». Однако и до тюркизации угро- самодийский язык абаканских сага должен был иметь

свое местное название. Тут вспоминаются названия северных шюсов «Сага о Форсайтах», «Сага о нивелунгах» и т. В Все те эпосы созданы на языках, в той или иной степни родственных к угро-языкам. Их значение ючнее всюю перевела русская калька «Слово о полку Игореве». Выходит, «сага» означала «слово», «язык». В якутском и майаатско-нганасанском языках понятия «язык» и «слово» выражены как «сага» и «сата» (сайга). Отсюда, рледовало говорить не «саха тыла», а «саха с;нгата». Именцо, так и называлась самая ранняя книга для чтения на Якутском языке. Любопытно, у вьетнамцев, предки которых некогда были выходцами из северной части Китая, понятие «язык», «голос», «слово» также выражают как «зан». Их газета «ГЫн Зан» означает «Голос народа». Нганасаны понятие «народ», «люди» также выражают, как вьетнамцы, «ня» «на». У ненцев, энцев, нанайцев «на», «ня», «не» также означает «люди», «народ». Отсюда и самоназвания «намай», «неней» (ненец) и «нанагир» исходят от «на на» — 'народный, народ', «людские люди», «настоящие люди». Если сравните те двойные повторы с якутскими: «киһи-киһи» — «настоящий человек», «кибилии киби» — «человечный человек», «абаайы киби»—«дьявол человек» и т. п., поймете, почему древние в своих самоназваниях допускали и двойные повторы. Возможно, подчеркиванием «настоящий» они пытались отгородиться от посторонних, перешедших на их язык и включившихся в их племя. Одновременно словом «настоящий» могли защита и.ся от попыток отторжения и примкнувшие со стороны. Так, в Якутии выражением «я — настоящий якут» начинались только предания примкнувших к якутам. Их, бедных, явно не хотели признавать якутами.

Когда у меня накопился внушительный материал о месте происхождения якутов, старые люди края осаживали меня резонем: «Если не переселенцы, то кто за-

вез в Якутию тюркоязычие?» Тут как ни проверял, чужих пришлых в родовом составе народов Якутии не обнаруживал. Молчали о передвижениях и переселениях иноязычных легенды, предания и эпосы всех якутян и их соседей. А из того, как заговорили о пвиходе русских, фольклор тех народов показал, что, если бы до русских имели место какие-то переселения, фольклор бы не молчал.

Тут обнаружил, что и я, подобно своим коллегам-предшественникам, игнорирую материал, лежащий под носом, и хватаюсь за дальние, нередко *вовсе* не имеющие отношения к делу. Выплыло, что якутоведение за все почти четыре столетия изучения якутов, не желало и обратить внимания на мнение самого якутского языка о своем происхождении. В самом Деле, живой свидетель рождения и формирования якутов — якутский язык почему не должен был не помнить, кто его родители? А якутский язык никогда не говорил, что его родителями были какие-то персы, уйгуры, хунно-хунхузы, монголы, тюрки, арийцы, курыканы и т. и. Если бы он имел какое-то отношение к языкам тех народов, то зачем ему было отрицать о том? А якутский язык упрямо и настойчиво уверял даже без всякого запроса о том, что он — наследник языка уранхаев и имеют место на свете только три сагаязычия — «ус са5а». Кто входил в те сагаязычия, составляло натуральную неразгадываемую загадку, ибо из трех известны были только два сагаязычия: якутский и абаканский на Енисее сага-языки. При этом вхождение последнего в сагаязычие было сомнительным, ибо абаканский сага-язык и якутский сага-язык почти не понимали друг друга без переводчика. Столь велико было различие между ними. Кроме того, распространение языка обычно всегда протекает наподобие разлитию жидкости — без отрыва друг от друга. А между абаканским сага-языком и якут

ским сага-языком располагалась пропасть в несколько тысяч верст непроходимости для скота. И всем исследователям казалось, что Якутию сагаязычив должны были доставить только чистые скотоводы, т. е. достигшие специализации скотоводства в виде самостоятельной отрасли, способной без чужой помощи прокормить своих приверженцев. А чистым скотоводам не было ни шагу пути в Якутию; ибо потеряв скот на первых же перегонах по бесправной тайге, им было околевать в тайге, как и погибший от бескормицы скот. Поэтому сторонники якобы степного происхождения якутов как от чумы убежали от разговоров о хозяйственных деталях переселений из степи в Якутию. Сердились на тех, кто ставил им резоны о кормовой базе якобы переселений степных скотоводов в Якутию. Выходило, будто степные предки якутов по воздуху, до самолетов, перелетели в Якутию со скотом или перегнали свой скот, кормя Их в бестравной тайге древесиной. И в такую версию и советское время поверили даже якуты-скотоводы, во- шпшие сено для своего скота из Амура, а комбикор- мы — из Центральной России и даже из-за рубежа по железной дороге и на пароходах. Таков был гипноз передоверия ученым-якутоведам.

Отыскать третье сагаязычие, объединявшее абаканский сага-язык с якутским сага-языком, помогли архаики якутского языка и оленескотоводство.

Разезжая по Якутии, я поражался размещению самой большой архаики якутского языка только на самых Дольних окраинах края. Отсюда создавалось впечатление, будто бы якутский язык изначально родился на тех дильних окраинах и только потом стал пробираться и т итр, т. е. в Центральную Якутию. Однако, по ясачным документам, к приходу русских концентрация сага- Ц|ычия была обнаружена только в междуречье Амги и Лены, а также в низовьях Вилюя. Правда, и тогда

встречались на окраинах лица, одновременно имевшие имена на нескольких языках, в том числе и на якутском. Потом массовое оякучивание окраин началось после бегства ясачных от составителей ясачных списков, не спрашивая желаний, распоряжавшихся кому быть зачисленным в какой этнос. Затем самая захлестывающая волна оякучивания по языку окраин, прошла во время коллективизации, когда, уступавших в численности, малочисленных влили в укрупненные поселки — в преобладающую массу якутоязычия. Тут одним ударом было покончено со всеми малолюдными языками. Зная те факты, я вначале полагал, что будто бы архаика окраин объяснялась отсутствием общений окраин с центром и консервированием состояния сагаязычия 17—18 вв., занесенного во времени массовых бегств от составителей ясачных списков. И все же не все факты сагаязычия окраин не влезали в вышеописанные рамки оякучивания окраин. Особенно шокировало обилие архаики якутского языка в тех окраинах, где скотоводства не было в помине. Я же считал, что сагаязычие всегда было привязано к хвостам коня и коровы.

У якутов раньше имела место шутивая поговорка, что «наличие косяка в двери юрты замечают только больно стукнувшись об него». Это поговорка о том, что повседневное замечается всегда в последнюю очередь и не всеми. И я, проведший все детство в лицезрении оленескотоводства, заметил этот бесподобный тип хозяйствования, который не привезти не из какой степи, только приехав в Оймякон. И заметил его не по своей личной внимательности. Оймяконцы попросили меня, специалиста, уговорить райком и райисполком, чтобы они разрешили иметь в личном хозяйстве колхозника одновременно коня, коров и оленей. А местные власти, тыкая пальцем в колхозный устав твердили: «Выбирайте сами: вы скотоводы или оленеводы. Среднего быть 52

не может». А вот оймяконцы были именно серединой: у них полностью сохранялось древнейшее оленескотоводство — единовластная хозяйка всей дорусской Якутии. Вот и я стукнулся лбом об этот вездесущий в Якутии «косяк» оленескотоводства. Не случись тот хозяйственный инцидент, подобно другим якутоведам, и я бы, видимо, не догадался о роли оленескотоводства в распространении трех сагаязычий. Если тюркоязычие привязано к хвостам луговых животных, тунгусоязычие — к рогам оленя, а палеоазиатские — к лыжной палке охотника-промысловика, то в оленескотоводстве одновременно присутствовали и хвосты, и рога, и лыжные палки, т. е. все условия для существования сагаязычия. И я со смехом отметил про себя, что мои коллеги — предшественники не заметили то, что этой привязкой одновременно к хвостам, рогам и лыжной палке, сагаязычие отличалось от общего тюркоязычия как небо от земли.

Когда выяснилось, что за тип занятий своими кормящими ресурсами позволил пронести в Якутию моду на полутюркское сагаязычие, отыскать третье сагаязычие не составило большой трудности. Таковым должен был стать только язык, лично сам относящий себя к ряду сагаязычий. Таковым оказался единственный язык — долганский, называющий себя «сага-языком, но не якутским» («Якут буолбатах саха»).

Подобное мнение долганского сага-языка о себе вполне правомерно. Долганский сага-язык — абсолютно самостоятельный язык со своей грамматической структурой, своей неповторимой лексикой и даже литературой. Он не похож ни на абаканский сага-язык, ни на якутский сага-язык. Однако в нем все же сохранилось его промежуточное положение между этими двумя сагаязычиями. В деле тюркизации, долганский сага-язык тюркскую свою основу позаимствовал не от каких-то давно усопших древних тюрков, а от своего прямого соседа — абаканского

сага-языка. Свидетельствовать о том могут монголизмы долганского сага-языка. В процентном соотношении и по лексическому составу те монголизмы почти одинаковы у долганского и абаканского сага-языков. Только в долганском языке количество монголизмов чуть меньше, чем у абаканского сага-языка. Выходит, ученик растерял часть услышанного у своего учителя. У долганского языка некогда имели место две ветви: туруханско-тай-мырская и вилуйско-ленская. Первая больше сохранила сходство с абаканским сага-языком. Вилуйско-ленская же ветвь почти до неузнаваемости удалась от абаканского сага-языка. Она пошла создавать новый язык — якутский сага-язык. С последним она слилась настолько, что ее пошли считать за диалект якутского сага-языка. *И* это слияние вилуйско-ленской ветви долганского сага-языка с родившимся от нее новым якутским сага-языком и обмануло якутоведение. Последнее, приняв долганский сага-язык за вилуйско-намско-усть-алданский говоры якутского языка, позабыл, кто родитель якутского языка. Помогло подобному ложному представлению и отъезд части долган к своим таймырцам. А уехали они, и убегая от составителей ясачных списков, и из-за распада своего кормящего оленескотоводства. Верные скотоводческой отрасли бывшего оленескотоводства остались в Якутии, фигурируя как якуты. А давшие предпочтение оленеводческой отрасли того же оленескотоводства укатили на Таймыр и на Север. Вот они-то и сохранили на дальних окраинах архаизмы.

Таким образом, якутский язык — не оторванное одиночное явление. Он — составная неотрывной массы разлива трех сагаязычий. До этих трех сагаязычий тюркоязычие прошло через десяток языков-эстафетчиков на Енисее. При этом каждый из тех эстафетчиков пропускал тюркоязычие через мельницу своих местных языков, где превалировали языки уранхаев-самоди. Поэтому 54

ссылка сагаязычия якутов на уранхайский язык есть напоминание о том, что при внешнем тюркском облике якутский сага-язык все же остается потомком уранхайского самодиязычия. Напоминали, очевидно, для того, чтобы не была забыта и эта сторона происхождения языка. О том, насколько «качественно» шла та языковая эстафета от соседа к соседу без всяких переселений, можно судить из того, что долганский сага-язык, из-за неодинаковости социальных строев, не заимствовал у абаканского сага-языка его социальные сказки о богачах, каганах и т. п. Вот почему у якутского сага-языка, как и у долган, его сказки состоят из сказок об одних зверях и птицах. Это прямой указатель только эстафетного способа растекания вширь всех трех сага-языков, ибо живой переселенец не позабыл бы захватить с собой на дорогу свои сказки.

ГЛАВА VI

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ ЭТНОНИМОВ И РОДОВОЙ СОСТАВ ЯКУТОВ

В журнале «Советская этнография» № 3 от 1940 г. появилась статья Г. Н. Прокофьева «Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов)». В данной статье впервые даются в переводе на русский язык значения этнонимов. «На основании анализа самоназваний, племенных названий, а также слова «человек», «мужчина» у народностей обь-енисейского бассейна удастся установить наличие двух древнейших пластов доисторических насельников территории, ныне занятой ненцами, нганасанами, энцами, селькупами, кетами, хантами и мансами пласт «тян» (цян, сан), «дьян», «ден»,

«тин», «тен» и т. п., вскрываемый в самоназваниях ненцев (ненэцяи), нганасанов (нгана-сан), энцев (энэ-тен), кетов (денг)! тундрейных одулов (тин) в племенном названии, которым селькупы именуют татар (ты у «иноплеменники»), в племенных названиях имеющихся

У эвенков для соседних племен «чангит» и «дендр» (ино Племенники), в названии, которым взаимно'именую, друг друга луораветланы нымыланы, нымылан гит» луораветланы «таньнг» (иноплеменники). ...Другой пласт... «кум» (куп), «хум», «хаби», «коми» и т. д, вскрываемый в самоназвании селькупов «соль куп-кум» (земляной человек), «соль кум-куп» (таежный человек), «чумыл куп» (земляной человек), «суссе кум» ^{Таеҕ} ныҕ человек), коми (коми), в племенном названии которым селькупы именуют хантов — «лангаль ^{ку} вый человек), в племенном названии, которым ненць именуют хантов и мансов («хаби»), селькупов «тас> хаби» кетов — «ензя хаби». В ненецком языке слово «хаби» имеет значения:

1. «человек» - «именинник»,
2. «раб» ... «касы», «тюба», «тиба» — «человек», «мужчина» ненецкое «хасава» — «мужчина», нганасанское «куан ма», «куасума» - «мужчина», энецкое «аса» «мужчина»... «таубу» (саянское «ту ба») — так энцы именуют нганасанов. ... некая группа тунгусов «А ... Кеты сами себя именуют «денг» ... селькупское «т бэ ня» «тимня» — «брат», «мужчина», «товарищ», где «ня» — «товарищ», а «тибэ» — «мужчина» (сохранилось из саянско-самодийского языка). Мансийский <<XУм* «человек», «мужчина», «ма хум» — «местные люд > «люди земли» ... «ху» — усеченная форма того же слова в хантыйском языке ... «землянка» — «карамо» .. селькупское жилище ... Ненецкое числительное «ю д вата нгоб» — «от десятка излишествующая единица»- «одиннадцать» (сравните: якутское «уон ордугар «десять с излишествующей единицей» «одиннадцать» .)

Выписка здесь дана отрывками, чтобы внимание читателя было сконцентрировано на одних переводах/нужных слов, сделанных знатоком языков всех вышеописанных народов. В полемике с Кастреном о смешивании на Севере алтае-саянских угро-самоид с местными палеоазиатами, этот талантливый исследователь сам почти не заметил, что ему удалось открыть попутно. Он случайно наткнулся на то, что самые древнейшие этнонимы состоят из единственного слога и означают «человек», «мужчина». Такой констатацией он буквально наткнулся на изначальный кирпич всех этнонимов планеты.

При продолжении исследований, пользуясь данным ключом, почти все этнонимы планеты выстроились наподобие формул, напоминающих Систему складывания формул в химии. Изначальным ультра-простейшим строительным кирпичом в них становится «человек», «мужчина» на языках древнейших топонимов. И тех языков-то оказалось считанное количество. Создается впечатление, будто все языки планеты имели некогда древнее ностратическое единство. Я не стал навешивать тем изначальным ностратическим языкам приватизационные ярлыки, привязывая их к сегодняшним, невзирая на сильнейшую тягу на то.

Как и следовало ожидать, реликтовых односложных этнонимов-кирпичиков в одинарном виде на планете сохранилось очень немного: куп, кум, ку (ху), вэн, весь, ром, рем, рос (рус), хэм, сэм, ра (бог) и т. п. Удивительно, все они образуют форму множественного числа при помощи окончаний: *-м* (сем, хам, кум), *-л* (куп, вэп, кацап, хасап), *-с* (Весь, вепс, рус), *-«* (ман, тин, цян, дэн), *-р* (шор, чер, сар), *-к* (сак), *-т* (кет), *-л* (одул). Далее, как в химических формулах, идет составление составных этнонимов, складывая те кирпичики друг на друга в штабеля: Саа-ма, Хо-би, Суо-ми, куо, ко-ми и т. п. При дальнейшем сложении состава, идут трех-

звенные и многозвенные штабеля: Са-ма-ту, Ту-ма-ту, Ба-йа-ки-пильпа. К таким сложносоставным нередко прилипают такие же сложносоставные, сложенные в пачки:

Байаки-пильпа, Тибэй-хаби и т. п. Складывание в штабеля встречается с применением кирпичиков как в единственном числе, так и оставляя их или часть их в форме множественного числа: ман-си, ман-чи, ман-чу, ман-чжу, кип-чак, ха-зар и т. п. Перестановка местами одних и тех же кирпичиков дает совсем новые этнонимы: Са-ма-ту, саа-ма, Ма-та, Маа-тар, Ту-ма, Ма-тут или Мо-дут, Ту-ма-ти и т. п. Слово «ас» или «асе», «эс» (эсе), приставленное к этнониму, выставляет напоказ не принадлежность к названному этнониму: асе-тин (непринадлежащие к племени «тин», т. е. «Аланы» где «ала» — «большой», «алан» — «большие, многолюдные»), Ас-тэк или «остяк» сибирский (непринадлежащие к племени «тэк», «тяк», «Ас-тэк») или американский «Ацтек» (не принадлежащий к племени «Гэк»), Аскип или Скиф (не принадлежащий к племени «Кип», «Кипчак»), «Эс-ты» (не принадлежащие к «ти»), «Эскимос» (не относящиеся к «кимос»).

«Ас» и «асе» (ася) явно относились к многоязычным одиночкам и мелким группам, ставшим неотъемлемыми вкраплениями внутри компактной преобладающей массы. Остатками подобного выделения являются сегодняшние термины: «нерусский», «неякут», «озбек эмас», «казах имэс»^р(«ххз имэс») и т. п. «Ас» и «Асе» в некоторых случаях становились самостоятельными этнонимами. Случалось подобное, видимо, вследствие привыкания к термину и когда сами представители того рода начинали рекомендоваться: «Мы из рода неотносящихся», т. е. «Из рода Асе и Ас». В подобных случаях «Ас» и «Асе» (Ася) начинали фигурировать как самостоятельные этнонимы в единственном и множественном числах (кетоязычные Ас, Асан, Озян, Эдьээн, Эжев|

Эдьигээн, Жиган, Аайа, Аадья, Ээдьээн, Эдвэн-Иейэх-сит и т. п.). Те самостоятельные этнонимы Ас и Асе (Ася) могли, как самостоятельный кирпичик, участвовать в сложении многосоставной формулы сложного этнонима. В подобных случаях «Ас» и «Асе» могли ставиться в начале и конце штабеля: «асетин», «астяк» «тавгас» (тавгач), Кангалас, Канзас и т. п. Здесь «ас» — не только отрицание, но и равноправный кирпичик, указывающий составленность сложного этнонима и из предсговителей самостоятельных «Ас». Так, в древнем орхонском «Памятнике Кюль-Тэгину» упоминается пленный из племени Ас («Ас будун»). Там же кюль-тэгинцы сражаются с народом «тавгач», явно составленным из тавюв-самоди и кетоязычных Ас. В случае с кангаласами, говорившие носом майаты нгана или нганга — ханга (во мн. числе «Хангал») составлены в смеси с бывшими кетоязычными Ас. Без смеси с Ас, те же Ханга фигурировали на Колыме как Хангаайы (Ханга йи), в Бурятии Хангал, Хангалдор и на границе с Олекмой как тунгусы Хангал. Рядом с кангаласами бок о бок на Лене жили в аналогичном составе разнотипности Мэгэ — Магарас, Ыйылас и т. п.

Другой вариант «Ас» и «Асе», т. е. отрицания «Чужак», «ненашеязычный», «немец» (как «немой»), пущенный древними северянами Запада и Сибири, в виде «тау» (в видоизменении или выпадении начального звука -г и адаптации давь йу на звук -в по образцу Аугуст Август, Ануар — Анвар), образовал множество прозвищ соседям и самоназваний самим. Так, от Мыгу образовано прозвище «Чанг», «Чангит», «Чаучи» дословно: «Чау — Человек». Отсюда, этнонимы Чаучи, написанный как «чукчи» от местной адаптации «Чууп-«Чуубча». Последние дали этнонимы «Чуванец» в якутский Чуупча — Чуубча — Дуубча — Дубчэ — Дупсэ-Дүпсээ. Этот термин долго не могли записать одно-

значно. Свидетельством такого происхождения термина служат: озеро «Чукча» там же, этноним Чачы от Чаучи и серия преданий о чукчах, помогавших обиженным невестам. На базе тех преданий возник роман А. Сыромятниковой «Кыыс хотун». Тот же «Тау» на Енисее создал понятие «Тавг» (тавгиец) для всех южных самоди и этноним Таубу — Тува — Тыва и Тавгач. В последнем случае образовалось двойное отрицание «не-не» из-за функционирования обоих отрицаний «Тау-Тавг» и «ас» в виде самостоятельных этнонимов-кирпичиков.

В Якутии от адаптации «Тау» возникли этнонимы «тонгус» (тунгус), тагус, Тогуйский род, Тангас (Тангас Балтугай—Тан-ас Болтоню, Тоигус Болтоноо), и понятие «Тонг», «Танг», «Тан» — «ненашезычный». В. Г. Богораза прозвали «Тан Богораз», который он превратил в свой псевдоним.

С выкидыванием начального «-т» от «Тау», эвены и эвенки создали свое самоназвание. Только давь йу от оставшегося «-ау» они превратили в звук, напоминающий не то «в», не то «а», не то <ГЫ>: «аон» «ЫВН», «ЭВН», «Эвен» и даже «Ывык». К этой основе при образовании «эвенки» добавляется лишнее «ки» — «человек». Получается: «эвен ки» — «человек эвен», как при чаучи — «человек чау». Старые эвенки до середины 20 в. помнили о том, что «эвенк» означает «чужак», что по-якутски «туора», переводимый как «поперёшный». В литературе часто встречается именно эта народная этимология «по-перешный», в качестве самотолкования этнонима «эвенки».

Именно, из-за значения «эвенки» как «чужак», у них возник термин «ангнаки», отторгающий ближайшего родича при обострении взаимоотношений. Тот термин «ан- гнака» произносился созвучно якутскому «агдака» — «лопаточная кость». Отсюда, у эвенков мясо и кость из области лоцат животных И зверей стали запрещенными 60

для угощения гостей. Они опасались как бы подобное угощение не было принято как оскорбление: «Вы, мол, родственничек, для нас — чужак».

Многочисленность и другие превосходные качества рода и племени этнонимы и топонимы отмечали или при помощи добавления *-ре*, *-ра*, *-ро* (как русскоязычный *-айший*, *-ейший*) и определения «большой», «великий» — «ала», «элэ», «эл», «ал», «ай», «Бар», «Вар», «Бор». «Ай-гур» или адаптированный «уйгур» («большие люди», «великие люди», «многочисленные люди»), Айсор, Ай-ны (ни, ня, на — народ. Сравните: газету «Нян Зан» — «Голос народа»); Алагар у якутов, Албан (албанцы), Алан (Аланы) в этнонимах и топонимах: «Ал-тай, Ала Тау, Ала-Зея (зее — вода), Эль-тон (Большое озеро), Элэ-Энэ или Лена (Большая река); якутские этнонимы Бара-гон («Бар» — «большой», «гон» — «люди»), Бар дон («Вар» на самоди «большой», и по кето-асански «денг», «дон», «дбон» — «люди»); в топонимах: Вар-ка или Мар-ха (Большая речка), Бар-гу-сун или Баргузин (Большая речная речка); этнонимы: Ка-ра-гас, где «Ка» — «человек», *-ра* — превосходная степень, «гас» от «каса» — «человек», сравните Ха кас или Каа Кас — «малочисленные люди». Сопоставьте с топонимами: Каа Хэм, Бий Хэм, Улуг Хэм — названия верхних ветвей Енисея, где «Хэм» — «река». Этнонимы Кара-Чай, Кара-ктай. Здесь народная этимология хантов сравнивает «Кара» с хантыйским «Кара» — «журавль», как этноним «Ку» от «Ху» — «человек» сравнивают со звучным самодийским «ку» «лебедь» (от него и поклонение лебедю). Однако те этимологии не меняют «ку» (ху) и «ка» в превосходных степенях *-ра*, не меняют «человек» в превосходной степени, ибо та же *-ра* в массовом порядке встречается в топонимах в том же значении: «ку» — «река» в превосходной степени Кура на Кавказе; «Ан» — «ворота», «дверь», «Устье» и «га», «ка» — «река» в превос-

ходной степени *-ра* дает топонимы Ангара (на Байкале) и Анкара (в Турции), кстати, около Покровска в Яку- тии два «Аан» — «ворота»: «Уулаах Аан», «Улахан Аан». Не исключено, что египетская богиня Ра и мусульман- ский Аллах означают оба «Величайший», ибо этноним самоди упоминается в коране. Мифическая Рома (римская волчица), возможно, также относится к «*ра*»* (*-айший, -ейший*).

Понять, почему сложные составные этнонимы ело- жены в менделеевские штабеля элементов кирпичиков нетрудно, если, вспомнить восточные и европейские личные имена, сложные аналогичными штабелями. Мир- жж Махмуд, Таш-Махмуд, Пир-Махмуд, Шо-Махмуд, Хас- Махмуд, Мо-Махмуд, Луи-Филипп, Мари-Тереза Франц- Иосиф, Жо-Анн, Римский-Корсаков, Голенищев-Кутузов и т. п. Некогда те имена-штабеля складывались из имен родичей отца и матери — представителей двух неродственных по крови родов. Имена-штабеля служили оберегом, спасавшим детей от смертности. Явно в тех ооере- гах сохранилась нещадная борьба против кровосмеси-1 тельства и только в ней видели залог здоровья. Борьба та наступила, вероятно, натерпевшись от промискуитета — беспорядочных половых общений. Штабеля этнонимов, вероятно, фиксировали, какой род породнился с кем и для учета с кем надо избегать браков, когда дети подрастут. Короче, сложно-составной этноним был памятным показателем кто кому кровная родня.

Перечень ультраосновных кирпичиков для штабеля формул этнонимов в единственных числах таков: *ку, ху, гу* в вариациях со всеми гласными: *ка, ха, га, кы, хы, гы, ку, ху, гу, ко, хо, го, ки, ги, хи, ке, ге, хе, куо, хуо, гуо, чи, ши, ти, че, ше, те, ча, ша, та, чы, шы, ты, чо, шо, то, чу, шу, ту, чуо, шуо, ту, туо, ма, ба, ва, па, фа, мы, бы, пы, фы; мо, бо, во, по, фо; му, бу, ву, пу, фу, ми, би, ви, пи, фи; ме, бе, ве, пе, фе; муо, буо, вуо, пуо,*

фуо; са, на, ца; со, хо, до, сы, Бы, цы; су, ну, ду; си, Би, ци; це, he, суо, нуо, цуо; йа, йы, йу, йо; йи, йе; за, зы, зу, зо, зи, зе; ра, ры, ру, ро, ри, ре, руо; на, ны, ну, но, ни, не, ня, ню. Здесь в прононском варианте (произношении носом, по-якутски «таньынан сашарыы»), звук *н* иногда заменяется носовым *нг* или *х* (нгана, нганга, ханга) например, в этнонимах «нганасан», «Хангалас», «Хангайи» и т. п. Звук *т* имеет замену в виде звука *д*, например, *то, до, та, да, ту, ду, те, де, ти* и т. п. Начальный *й* часто выпадает, создавая начало гласных звуков, например, йатабаск, атабаск, Йатамай, Атамай, Йадам, Адам, Йева, Ева и т. п.

Нередко, напоминая химические «аш два», «О три», в самоназваниях этноним-кирпичик повторяется дважды или трижды подряд. Например, нанай, неней, нанакр, нганасан — в Сибири и «ненана» — у индейцев Аляски в США; в Якутии: Мама, Момо, переозвученные как Мэмэ (мэмэл), Муома. Кальки подобных повторов сохранились в сегодняшнем якутском языке в виде выражения «кийи-кийи» — «человечный человек», «настоящий человек» в противовес «кийи-абаайы» — «человек- дьявол». В самоназваниях же подобные повторы переведены как «настоящий человек». Подобные выражения явно стараются отгородиться от пополнений со стороны чужаков, получивших тот же этноним. Последних выражение «настоящий человек» молчаливо превращает в «ненастоящих», «поддельных», «ложных», «самозванцев», «позже пришедших». В других случаях, наоборот, позже пришедшие отстаивают свои право от отторжения, мол, «Мы тоже настоящие». Так, в Якутии позже объякутившиеся часто начинают свои предания с возгласа: «я — настоящий якут». Его, бедного, видимо, не очень хотели принимать за якута. Те же повторы наблюдаются и в топонимах. Например, Татта и ее окающий вариант Тотта вблизи Охотска и йайа в якутской адап-

тации Айаайа повторяют дважды «то» (та)—«река» и «Йа» — «виски», т. е. «речная речка», по-якутски «урэх Үрэ5э». В топониме из Вилюя Кыадаьгда или Ке-та-нг- да — «речка», «вода», «ручей» почти повторяют трижды одно и то же, но в названии «озеро с притоком с речки». Здесь «ке» — «речка», «то» и «да» — «озеро», «вода», «ручей», а «нг» — флексия. В литературе встречаются неправильные мнения будто формант «нгда» является эвенкийским.

Как видно из приведенных повторов в топонимах Татта, Тотта и в этнонимах нанай, нэнэй, нанайгир, Не- нана и в самих штабелях этнонимов, на заре их создания, языки древности явно еще не дошли до флексий и других форм склеивания корневых основ. Потому и получились простые штабеля, наподобие химическим формулам. В тот период явно ограниченность запаса слов вызывала применение звучащих одинаково слов в нескольких значениях. Например, «то»—и «озеро», «то» и «речка» и одновременно этноним «человек», «мужчина»; «Йи», «йе», «йу» — и гидронимы, и этнонимы; «ке», «хэ», «ку» — и «река», и «человек», и «мужчина» («йу- рал», «йорел» — реки, «йу», «йурэн»— этнонимы и т. п.).

Как выяснилось при проверке, на территории Якутии оказались племена и роды, которые под двумя древнейшими отрицаниями «не нашеязычный» («Ас-Асе» и «Тау») забывшие и подменившие свои ультраизначальные этнонимы прозвищами «Я — чужак по языку». Кем они были до возникновения тех языкокласифика- торских прозвищ, осталось древнейшей загадкой. Остается ясным только то, что классификаторы по «Тау» и «Ас-Асе» знали как свои пять пальцев все языки, располагавшиеся от них к югу и востоку. Кем были те глубокие знатоки языков столь обширного для древнего бездорожного региона от Ямала до Персидского залива и от Ямала до Чукотки и Амура, охватывая всю полосу

к Северу от Алтая и Саянов? Как показывают сопоставления сохранившихся пластов топонимов и этнонимов, таковой могла быть только единственная всюду неразлучная этническая троица нанай (нэнэй), манчи (манч- жи, манси) и Хан (Ханты). Топонимы и этнонимы этой неразлучной троицы охватывают сплошь все от Аму- ра Чукотки до Ямала. Так, все древнейшие топонимы Якутии и от Чукотки до Ямала сплошь хантоязычны и угро-самодиязычны. Только сквозь них проглядывают полуисчезнувшие палеоазиатские топонимы типа Энэ— считанные крупнейшие названия рек, непосредственно впадающих в Ледовитый океан. «Энэ» — явно «матерая река». Они встречаются от Чукотского Анадыр лишь до Энэ Сой. Ана дир («дир» — «жир» «Ана», «Энэ» — «матерая река»). Калек подобных «жирных» рек в Якутии полно. Река Лена — Элэ Энэ (Большая река) с одноименной эвенкийской калькой «ногду быра». (Причем «быра» и «Мыраан» — «быраан» — «приречные плоские горы» остатки у тунгусоязычных от их дотунгусского майаатоязычия). На юге Якутии, сквозь хантоязычие, кетоязычие и неизвестные палеоазиатскоязычия проглядывает селькупоязычие (сыралта, где «сыры» — «светлый», «-л» флексия, «-та» — «озеро»). Якутские слова «сырай», «чырай» и «чыыраа» — от этого селькупского «сырыа» «светлый». Выходит, «сырай» — «светлая часть человеческой фигуры». Сравните с охотничьим сло- ном-оберегом: «человек» — «хара» — «темный». Только сверх указанных нижних слоев больших гидронимов следуют верхние слои тунгусоязычных средних топонимов. Якутоязычный и русскоязычный топонимы представляют сегодняшние слои. Они представляют собой лишь кальки или охватывают одни микротопонимы, т. е. они вчерашни. Если пройти по тем древним слоям топонимов Якутии, получились бы несколько самостоятельных монографий. Сегодняшней экономике не до та-

кой роскоши науки. Как и в этнонимах, в топонимах планеты наблюдается то же самое ностратическое единство, с незначительными местными вариантами. Например, «Пен зя» в Пенжинской губе у Камчатки «пен» — «лесная», «зя», «зее» — «вода», «река». Его же копия в реке, где город Пенза (от реки Пензя). По-немецки «Зее» — «озеро», «вода», «море». В Южной Африке река Замбези состоит из «зя», «ве» и «зя», где «ве», «ва», «во» — «вода». «Замбези» — тройной повтор: «вода-вода- вода», как этноним «ненана» — «человек-человек-чело- век». «Река» всюду на планете «ко», «ку», «ка», «ке», «гс», «ги», «га», «ха», «хэ», «ху», «хи», и т. п. Подобны же варианты «река» от «йи» («йэ», «йу» и т. п.), от «то», «до» и т. п. От него два Дона: шолоховский Дон с притоком Хопер и якутский Ал Дон с притоком Копру — это Алдан — (Большой Дон, или Большая река). Американская река Патомак в Якутии: Патом, Баатам, Па- тома, Буотума, Ботубуйа, Ботомоюу и т. п. Любопытно, в каких условиях создавались те этнические и топонимические единые менделеевские формулы...

Подобно топонимическим пластам, пласты неразлучной троицы нанай (нэнэй) — ханты (хан) — манси (ман- чжи) охватывают всю территорию Якутии от Тихого океана до Ямала и даже от Америки до Ямала. Так, «ня», «на», «не», «пэ» от индейцев Ненана от Аляски до Ямала следует непрерывно: нанай на Амуре, нанай на Вилюе, Ханга (Хангалас) на Лене, Ханга Йи (Ха- шаайы) на Колыме, Хангал в Бурятии, «ня», «нганасан», нэнэтэн — энэтэн (энцы) на Таймыре и нэнэй (ненцы) от Таймыра до Ямала. Система племен Са, Ма, Ту в разных адаптированных вариантах и перестановкой порядка расстановки в штабеле разлита от Тихого океана до Ямала. Хантыйские и кетоязычные этнонимы повторяют ту же картину. Например, Ас-Асе от американских Ацтеков тянется всюду до сибирских Астекое-остяков.

«Тау» — «Тавг», «тэн», «тон», «тонгос» (тунгус) господствовал от Чукотки-Амура до Енисея. Кстати, от их до-тунгусоязычного периода сохранились добавления «ки» — «человек» к названиям чуть ли не всех животных и птиц: сулаки, дьэлэки, Бороки, нгинаки и т. п. Это — пережитки от времени, когда очеловечивалась людьми вся природа. Вот почему арсеньевский нанаец-гольд Дерсу Узала все и вся называл «человеком» и разговаривал с ними как с людьми. Старые якуты до мировой войны, как Дерсу Узала, разговаривали с деревьями, птицами, зверями, животными. Все это легло в основу обрядов и волшебств. Возглас «Айыы! Не делай это!» относятся к тому времени. Криком: «Айыы!» («Ай Йи» дословно «Великий Человек») пристыжали за неблаговидный поступок: «Опомнись, ты, ведь, Великий Человек, а не очеловеченные лесина или зверина!» Понятие «Айыы аймага» подчеркивало, «человек разумный» есть Великий Человек, а не очеловеченные скот, зверина, птица, рыба. Только православие превратило «Айыы» от «Великого Человека» в «бога» и Христа и возглас «Айыы, нельзя» — в понятие «грех». Само же слово «грех» не от слова ли «грек», ибо православие было заимствовано от греков. А в слове «Аминь» (католическое «Амень») сохранилось имя египетского Амон, «Амин». Вот таковы религиозные перетаскивания и переработки.

Ни у кого не отыщется столько денег, чтобы провести изучение и публикацию исчерпывающе полного анализа с соответствующими сравнениями родового состава тех, которые сегодня фигурируют как якуты, ибо подобная работа охватила бы родовой и племенной состав населения огромной территории от Тихого океана до Енисея и Таймыра с выходом на американский континент со стержнем из Майя-ацтеков — создателей Майя- ацтекской цивилизации. Отюркизированный сегодняшний язык якутов оказался лишь очередным сменным при

традиционных сменах языков, начатых издревле предками тех, кто сегодня называет себя саха. Смена их сегодняшнего языка — сагаязычия русскоязычием уже началась интенсивно с середины 20 в. Численность единственно русскоязычных якутов достигла за какие-то 40 лет до двух десятков тысяч человек. Это немало для всего трехсоттысячного народа. Обрусевшие якуты пока еще не выбрали для себя новый этноним. Когда они это сделают, сегодняшних сагаязычных саха они назовут «малочисленными» и не станут признавать едино- кровие с ними, как это делают сегодняшние саха со своими малочисленными в Якутии, говорящими на оставленных ими в разное время языках. И русскоязычным якутам со временем придется уступить свое место инос- трапюязычным якутам. Подобное явление сегодня уже дало предварительную заявку.

При прошедших сменах этнонимов взаимно заменяли друг друга звуки *н, в, б, л, ч, т, с, һ*, гласные и дифтонги менялись местами; *й* то выпадал, то заменялся *дь* и *н*; *н, tr, х, и һ* заменяли друг друга. Русскоязычие также заставляло менять звуки этнонимам: «Одуге» — «Одугей», «сага» — «сагай», «Бооту», «Боотул» — «Боо- тулу» (от «Ботулинский»), «Намцы», «Борогонцы», «Жа- тай» и т. п. Ниже при перечне этнонимов не будут повторены те оговорки.

Моим преемникам и продолжателям — будущим исследователям якуто-индейских общностей предстоит увлекательнейшая работа. Она скорее всего пойдет по линии загадок историй двух цивилизаций: американско-индейского и Старого Света. Первая тропа в этом направлении уже проторена: на Старом Свете уже обнаружены два древнейших центра человечества. Из них Олдувай находился в Африке, а Дириг-Юрях в Якутии. У последнего все нити тянутся к Америке. Надо ожидать, что новые Дириги будут обнаружены и в Аме

рике. И последней находкам Дириггов явно мешает частная собственность на землю, ибо мало кто из землевладельцев пожелает, чтобы их владения археологами были превращены в колдобины. Мои этнонимические и топонимические «формулы», единые для Старого Света и Нового Света — фактическое продолжение Олдувая и Диригга. Исследователи будущего обязательно заинтересуются, почему Олдувай дал черную и белую пигментации кожи в тропиках и на Севере, а у Диригга всего одна желтая пигментация, не меняющаяся в тропиках и на Севере. Не исключено, что эпицентром рождения желтой пигментации окажутся особые природно-климатические условия американского континента. Тогда ученые будут искать не переселение из Азии через Якутию предков индейцев в Америку, а наоборот. Тому направлению первый почин уже сделал знаменитый Тур Хейердал, переплыв на бальсовом плоту из Америки на остров Паски в Океании. Таким же путем на катамаранах и плотах предки индейцев могли доплыть до всех островов шельфовых архипелагов от Командоров — Алеутов до Мадагаскара к монголоидам мальгашам. А там уже переход на азиатский материк не составил бы особого труда. Подобным переплывам могли способствовать океанские течения, бьющие только в сторону Азии. Подобные прямые морские связи могли объяснить и то обстоятельство, что ранние высшие успехи цивилизации оказались в Америке и на юге Азии. Единственно берингийский путь общения двух континентов выглядит куцым в любых отношениях. «Открытие» Америки было запоздалым открытием только для Европы. Америка и Азия «открыли» друг друга с самой зари сапиентации человека, и связи между ними не прерывались никогда. Свидетельствуют о том мощные пласты общностей материальной и духовной культур Америки и Азии, где не мала была контактная роль Якутии. Жи-

вым свидетельством о роли Якутии в тех прямых контактах является относимость доброй половины этнонимов данного края к Майя-Ацтекской системе. Туда относятся в первую очередь сами майя-майааты и их составные: Маайа, МааfiМага, Мэйи, Мэйик, Майаат, Маftагага, Вааftага, ВааfiагаH, ВааftагаHТаfl Бая (у нганасан и ненцев), Баяки-Пильпа (у ненцев, энцев, и нганасан), Б'адьяайы (у кобьяйцев и нганасан), Маугир, Майагир — Ванедыр, Быйаагы, Быйаган, Быйагир, Бу- йааги, Буйаагир, Пуяги, Пуяган, Пуягир.

Поскольку вторым самоназванием майаатов являются «ня» (не, на, ню, нга, ха) и их двойные повторы подряд «нана» и т. п., сюда относятся все нанагирские, нганасанские этнонимы и их составные с кирпичиками «-чер», «-чор», «-сир». «Чир» — «человек». Сюда входят и «куу», «ку»: Чордуу из озера Есей, держащиеся рядом с Маай- мага и тамошними Мэйиками — Осогостоох и другими Маугирами — Майаатами, участвовавшими в 17 в. в маугирской-майаатской войне. Там, в их лагере, выступали вилюйские нанагиры: нюрмаганы, нирмагааты, нюрба- чааны, нюрбаканы, солгоны, сунтаро-садынские Мэйи- мэйики, нерюптей, бардоны, барагоны, бырангааты, ванедыры и т. п. Участвовать там тогда отказались одни угуляты, мотивируя, что они — не нанагиры. Видимо, они не совсем ладили со своими невилюйскими мэйи- мэйик-майаатами, собирательно называемыми нанаги- рамн или нганагирами. На деле же угуляты или йу-куу- латы, живущие в компакте с натуральными куула-куу- латами («куулэт»), были одними из ветвей вилюйских маайа-нганасан. К той же группе вилюйских майаатов или нгано-нанагиров входили и кобьяйские куу: Куукуй, Куокуй. Ленские «Чер» — Майааты в лице Намчер, Намсыр и Чериктей держались поближе к Мааймага, Аспек (©спех) и Асеку и к кобьяйским нгана-вадеевцам Бадьяайы. Данная взаимная тяга друг к другу наблю- 70

далась И На озере Есей. Тамошные «Чер» — Чордуу держались поближе к Мааймага, Мэйикам — Осогостоох и Асе — Аспекам (Оспех). Верхневилуйские Асе-Асе- куй-Асыкан жили на пару с мэйиками-Осогостоох и Хоро Черелуку с утраченным «Черелуку». Это и понятно, ибо «Хоро» по майат-нганасански «лицо». По- якутски «сырайдаахтар» с добавлением «Черелуку» — «Черегер». Сунтарские Мэйи-Осогостоохи также имели своих Хоро, но «Хоро Сочема», — «шитолнцый» (тигии- лээх), т. е. с татуировкой на лице из шейных волос оленя. Та татуировка сохранилась там до А. Ф. Мид- дендорфа (см. его рисунки). Сунтарцы «сочема» у Хоро описательно заменили «тигиилээх снрэйдээх дьирикинэй». Здесь «дьирики» — «бурундук», т. е. татуировку ту сравнили с полосами на спинке бурундука. Тут наблюдается явное расхождение взглядов на татуировку. Ведь, азиатская татуировка — культура индейских Майя-Ацтеков. Она встречалась в индейском стиле на океанийских островах и у австралийцев, как раз на пути бальсовых плотов и катамаранов. Признак из красиорс- чивейших.

В детстве, когда отец мой Алас привез меня в Да- лыгр к наакаанам, в Мэйиике я услышал легенду-шутку: «Корова Мэйик всюду разрешилась телятами по кличке Бардой, Нерюптей, Асыкай и Аспек-Оспех». Как проверил выросши, предками меиков легенды и в самом деле считали беременную женщину Осогостоох и значительная часть названных в той шутке всюду следует друг за другом как телята за коровой. Нерюптей в Олек- ме — приставка к Мэйикам, в Сунтаре Нерюптей и Бар- дон — опять приложение к Мэйин, а Кангаласские переименованные в Хаптагай — Нерюптей и Мэйики приложены к Маайа. По народной этимологии «Нерюптей» означает «Хаптагай» — «плоский». Отсюда, и их предком принято считать Хосууна Хаптагай.

Ленские «ня» — майааты в лице Найахи, Наахара, Ханш (нганга, нана), Хангал, Хангалас и Ханшайы держались как-то особняком, держась поближе только к Маайа и к Хаптагай-Нерюптеям. Не совсем ладили они с Барагон-Онерами. «Онер» — якутская калька значения слова «Бара-гон». Здесь «го» — «человек», «-и» — указатель множественного числа, а «Ба», «Бара» — «большой», «много». Сравните это с сегодняшним якутским выражением «бар дьон». Здесь «бар» по-самоди «большой», «много» (сравните р. Бар-ка — Марха), «дьон» или «денг» по-кетто-асански «люди». Отсюда, видимо, в Онер-Борогонах больше асано-самодийского и поэтому чурались их ня-нана-майааты в лице ханга-лов. Вилюйские «ня»: накааны в Далыре соседили с мэ-йиками, асыкаями и хоро. Накаанны из реки Чоны жили смежно с тамошними Хоро и Мэйи.

Упомянутая «маугирская» или «майаатская» война фактически не была войной. Она представляла собой лишь словесную брань с демонстрацией «групповщин», т. е. шантажей с групповыми склоками.

Малолюдную, но вездесущую поодиночке группу в Якутии составляли этносы Ацтек-Остякской системы в лице Ас-Асе-Асан-Аадья-Эдьээн-Эдьигээн-жиганов. Асыкай у верхневилюйских Мэйиков-нганасанов, Асекуй 17 в. у кобьяйских вадеевцев, Ас-пек (еспех), Хангалы — Ас (Хашалас), Меги-Мага-р-Ас (Магарас), Maira-Ас (Ман-аас), какие-то Ыйыл Ас (Ыйылас), Бвтуш Ас (Бе-тен'-кес, Хата Ас (Хатас), где «Хата», «Каты» — женщина. Отсюда якутские слова: «хатык» — «Эй, девка», «хадагой» — «родня невесты». Предок вилюйчан — шаман Аадья, там же исчезнувший этноним Эдьээн и одноименное название крупного озера, Эдьээн, на р. Маайа, Эдьигээн, бог-Эдьэн — Иэйиэхсит, «Ас», «Ася», «Асе» — прозвища долган, жиган — русское прозвище для эдьигээнов.

Третью систему этнонимов, преобладавших в Якутии прошлого, условно можно назвать угросамодийской. Ее главную составную составляют Са, Ма, Ту, но почти без Са. А «Ма» и «Ту» больше выступают от себя самостоятельно, без обязательного присутствия полной упряжки Самату. При этом даже звуки в- этнонимах Ма и Ту выступают в самых всевозможных адаптациях и перестановках. Варианты «Ма» и «Ту» в данной системе комбинируются с массой других этнонимических кирпичиков.

Ма и Ту, переставив порядок размещения кирпичиков, здесь превращаются в Ту-Ма-г (Тумат) и Тюмати. При сохранении традиционного порядка размещения кирпичиков, и, адаптируя звуки, та же «Мата» создает: Баата-г,ай (Ба ата5 ай), Быта-Бынтай, Бытаа, Бутаа, Мыта, Мытаах, Мэти, Бэтинчэ, Бету, Бетуш, Бетенжес, Боту, Бооту, Боотул, Боотулу, Боотур, Бэрт Хара (Ма- flagarra) скорее всего, усеченный вариант этнонима Бэти, которую народная этимология из «Бэт» превратила в нарицательное «бэрт». «Хара» — по словарю берегов означает опять же «человек», «мужчина». Сама же «Хара» взята от старомайатского «Хара» — «сам» и равнозначна «бэйэ».

Само слово «боотур» есть множественное число от этнонима «Бооту» — окаящего варианта «Маата». На Енисее и на острове Новая Земля имел место род Маата или Маатар. От них и названия проливов Маточкнп Шар и Угорский Шар. На Деле же те названия относились не к проливам, а к двум островам Новой Земли: острову угров и острову Маата, ибо «Шар», «Сааре», «Сары» означают «остров»: Сай-Сары в Якутске, Сааре-Маа в Балтии. Слова «Маата» и «Маадай» — богатыри эвенкийских и тувинских эпосов. В Якутском олонхо фигурирует его обрусевший вариант «бухатыыр» от русского «богатырь». А «богатырь» об-

разован от вставки в середине долгой гласной *й* разделительного согласного *г* при произношении «баатар». Неизвестно, почему этноним «Баата» или «Баатар» превратился в богатыря. Во всяком случае легенды и предания не сохранили ничего о том.

После тех трех упорядоченных и преобладающих систем остается множество топонимизированных этнонимов типа: томпоткин (томпонцы), бираяткин (речные), брангат (от «бира»—«река»), «булууулэр»^{*} (ви^с люйчане), «нюрбалар» (нюрбинцы), «дьокуускайдар» и т. п. Они господствуют у тех, кто рекомендуясь «Я чужак», т. е. «Тау» и «асе», утратил свои древние исходные этнонимы. К саморекомендации «чужак» добавляются еще клички по заимствованным чужим языкам: «баа1зынай» (от русского «пашенный»). Так звали не только оякученных русских, но и русско-якутов. У них никто не спрашивал к какому этнониму они относятся. Этноним «Юкагир» также относится к кличке. Ни один юкагир не относил себя к роду «юкагир», т. е. этноним был собирательным выдуманным от названия полярного сияния «дьукээбил» (огни льдов). Придуман даже Хосуун йункээбил от слова «Йуш» — «дьявол».

С этим термином «юкагир» сходен и «юка» без «-гир». Это «Йуко», «Йако» (эвенкийские названия якута), «йака», «Иака», «Бакка» (верхоянский говор) и «Саха». Хосуун йакка превращен вначале в «йапка», потом в «Баппа» и «саппа».

Данный этноним, подобно «юкагиру» явно собирательный и указывает лишь на сагаязычие, не желая разбираться кто на этом языке говорит. Ведь, в перечне этнонимов древней Якутии нет ни одного рода с таким названием. Этнонимы Дьооху, Дьеккен похожи на эвенкийские названия якутов «йако» и «дьоко». Однако они по внутреннему составу вовсе не относятся к якутам. Выходит, якутов соседи прозвали не за их телеса, а за

Пользование сагаязычием, наподобие понятию «русско-язычные».

В Якутии селькупские этнонимы представлены родом Куп (куп) в Усть-Мае, Дьап (Дьябыл) в Мегинцах и Чап в Верхневшное. Там же в названии местности Куорамыкы сохранилось и типично селькупское название землянки «Горамо». К нему добавлено «кы» — «у реки». Куорамыкы и в самом деле у реки. Селькупское «Мо» — «жилище» сохранилось в якутском «Холомо» (буор холомо) и «калтамо» (халтама), где «кала» — «рыба», т. е. «халтаама» — «рыбачье жилище». Слово «халтырый» от слова «кала», т. е. «поскользнуться от рыбьей слизи». «Амсай» от ненецкого «нгямза», т. е. «амза», ибо у них не «аптека», а «нгаптека».

Селькупское слово «сель» (сель куп) сохранилось у оретов в виде этнонима Сэлээдэр. В нем окончание «дэр» (от «чэр») получилось майаатским. Непонятен этноним «врует». «вр», возможно, был, судя по Сэлээдэр, усечением майаатского «Чер», «Чер» — «человек». 15 том же регионе курсировали легенды о Тизэргэн — Чор-гул (от Чор) и Курэнчэ (курэнчэ), где Ку от селькупского «куп».

Из-за легенд об Урэн Хосуне тщетно искал днем С огнем во всей Якутии этноним Урэн. Увы, и понятие об Урэн-Уранхае в Якутию было завезено сагаязычием Сsstелесно, т. е. только как фольклорное содержимое 1мствованного сагаязычия. Имена хосунов Урую Хопто и Мавган Мэкчэ оказались названиями верхней одежды «кобто» (кептуке) и «Мэкчэ». Об этом свидетельствуют и описания их одежды в самих тех легендах.

Об этнонимах Нам (от Намыл ан), Чачы, Чочу (от Чаучи) и первом скотоводе Чаучи Чааахане отмечено уже выше. Там Манга (Ала Манге) или Мэнгэ обрнсо- ПНН только как охотник. В стоянке Кууллаты — Юрях Не был ли найден зуб быка Чаучи-Чаааахана...

Для экономии объема труда здесь приведены одни узловые сведения об этнонимах края. В них бросается в глаза полное отсутствие разделенности на сегодняшних якутов и малочисленных. Три системы этносов не признают никаких сегодняшних этносов и их территориальных границ. Взглянули бы на микроэтноимику — вовсе перестали бы толковать о каких-то этносах и на- j родах в данном крае в древности. Древность, оказалось, j их не признавала. Делались тогда одни робкие попытки; классифицировать наличные «язычия». Однако и она не поддавалась более-менее успешному учету из-за сме- j шиваемости оазисов язычий.

Отсюда, становится делом безуспешным искать ка-; кой этноним-кирпичик в течение какого срока прилипал к другим и отходил от них для брака с новыми.

ГЛАВА VII

ВОЗРАСТ НАРОДА САХА

Хотя потрачены многие столетия, поиски происхождения j денней народов не приобрели подлинно научную точность и конкретность. Практически они все еще не избавились] от бабкиных представлений будто целый народ мог иметь своих Адама и Еву, от потомства которых мог вырасти целый народ. И тех Адама и Еву каждого народа сегодня с серьезным видом и не в шутку ищут не древние бабки, а дипломированные ученые.

Как уже отмечено выше, датой рождения народа хакас фигурируют 30-е годы 20 в., т. е. дата вынесения административного распоряжения о создании дап-] ного народа. А вот кем рожден этот народ, выйдет до-] вольно смешотворно. Там придется записать: «Хакасский народ рожден этносом по имени СССР». Так будет спра- 76 Ж

ведливо, ибо СССР — название империи, приказным путем породившей хакасов. Именно так выглядит «научное» определение «якуты родились от тюрков, монголов, хуннов», так как тюрки, монголы и хунны были лишь титульными именами империй, как СССР, составленных из конгломерата многих и многих разноязычных и разнокровных племен и родов.

Благодаря наличию конкретного свидетельства о рождении, заявление «хакасы родились от СССР» выглядит куда научнее, чем огульное «якуты родились от тюрков». Ведь, «тюрки» — такое же общее название империи, как СССР. В состав ее входили такие племена и роды, как Он Ох, Татабы, Отузтатар, Укуз и т. и. Из них «татап» или «татаб» составлены из типичной формы угро-самодийских языков «куп», «вепс», «кацап». «Укуз» или «Огуз» — не название племен, а простое слово «уус» или «жуус» — «род», где посреди долгой гласной уу вставлен -г по образцу «баатар — багатар — богатырь». По фрагментам памятников орхонской письменности, у племен каганатов тюрков, не было единого тюркского языка: каждое племя и род имели свои языки. И якутоведение, никогда не любившее точность, не сообщало от какого конкретного рода той пестрой империи «родились» якуты и от языка какого конкретного племени берет свое начало якутский язык. И все шло по принципу «пальцем в небо». Таков был уровень науки и времени.

Административно-приказной случай «рождения» хакасов в 20 в. яснее ясного демонстрирует то, что с подобными сегодняшними представлениями нельзя искать [«рождения» в древности этносов и народов. Ведь, хакасы и до своего юридического «рождения» приказным путём практически существовали, но не под названием «хакас», а в виде самостоятельных племен бельтир, кой- вил, сага и пр. Только тогда нельзя было их назвать

составными еще неродившегося названия «хакас*». Ко- | роче, каждые племя и род на каждом отрезке времени прошлого имели свой собственный язык и этническое название. И те названия и языки никогда не застревали, на одном месте и периодически менялись. И не имея и представления о чередности тех изменений, абсолютно бессмысленно было искать, какой род вошел в чей состав и какой язык в комбинации с какими образовывал те или иные языки, жаргоны. Так, например, сегодня остаются верными сагаязычию и этносу саха почти одни окраинные, в то время большинство городских, райцентровских и промпоселковских перешли на русскоязычие и ждут появления нового самоназвания, чтобы не числиться как саха. В последующем иностранноязычные якуты поступят таким же образом. Неизвестно, кого они назовут своим прапредком. Русскоязычные якуты, скорее всего, назовут себя родившимися не от якутов и русских, а от славян, а иностранноязычные — от французов, англичан, американцев. Если позаимствуют наш сегодняшний опыт, как свое прошлое они выставят прошлое славян, французов, англичан и американцев. Вот каков будет наш сегодняшний пример выдачи историй тюрков, гуннов и других как прошлое якутов. Как это ни стеснительно, но факт: многие сегодня гордятся чужой степной историей, выдавая ее как свою. Перестанут они гордиться этим и начнут стесняться только тогда, когда и их собственные обрусевшие иностранноязычные дети пойдут выдавать за свое прошлое историю Британской, Французской империй за свою и стыдиться за принадлежность к саха.

До прецедента с хакасами в 20 в., не имело места «рождение» какого-нибудь народа путем лаконичного приказа «Образовать такой-то народ». Поскольку не было подобного в лобовую приказа «Образовать народ под названием якуты», якутоведение и не заметило, что

и данный народ был создан таким же административно-приказным способом из конгломерата разноязычных и разнокровных неорганизованных масс. Не заметило по той причине, что административно-приказное сколачивание якутского народа продолжалось больше столетия до тех пор, пока не был пойман и приведен «под государев высокую руку» последний «неясачный», зачисленный под рубрику «якол» (якут). Говоря иначе, в отличие от хакасов 20 в. каждого заносимого в списки якутов приходилось ловить, охотясь за ним персонально, ибо в крае не оказалось никаких органов самоуправления. Точнее, в Якутии того времени была идеальная демократия, где суверенна была каждая отдельно взятая семья. Она никому не подчинялась и ни над кем не командовала. Та социальная организация картинно обрисована в каждом олонхо. В ней не было ни суда, ни наказания, ни тюрем, ни карательных органов, ни органов правопорядка. С нарушителями правопорядка пытались бороться при помощи добровольцев, именуемых «боотурамм». Те выполняли функции милиционера бесплатно ради лишь славы «богатыря» — «героического человека». Отсутствовало даже родовое управление. Выло бы подобное, оно держало бы платных боотуров в виде опоры власти родовой администрации. А без силовых структур о наличии власти и речи быть не может. Имевшие место роды представляли собой не социальную организацию. Их миссия не выходила за пределы борьбы с кровосмесительством, т. е. через них мелся учет родства одновременно по отцовской и материнской линиям. Отсюда, одно и то же лицо входило в состав и материнского, и отцовского родов.

Указанные особенности якутов того времени не поняли по сей день из-за того, что олонхо изучали эпосис-1и. предания — фольклористы, хозяйство — экономисты, социальный строй — подгонщики к трафаретам «классн-

чееких»; социальных строев других стран. В итоге, общую картину жизни не получал никто. При этом фольклорист не прибегал к услугам архива, археолог избегал этнографии, историк не признавал ничего, кроме окучивания в цитаты архивов. И архивному они молились как к богу: ни практического анализа, ни сопоставления с реальной жизнью. Главное: никто из архивистов и не желал знать о том, что архивы 17 в. были взглядом чужих, не всегда понимавших жизнь якута.

Учили бы, кто авторы тех документов, многих оплошек в понимании жизни якутов времен прихода русских не было бы. Например, в архивах на редкость хорошо видно замешательство воевод с организацией самоуправления якутов. Искомой ими общекутской и породовой власти самоуправления у якутов не оказалось ни капельки. Отсюда, вытекал кричащий вывод о том, что, организованных как народ и этнос, якутов не существовало. Роды и те оказались фиктивными, не административно-социальными, а только учитываемыми лишь родство для браков. Вместо этноса и народа, имели место лишь зачатки деления по языковым группам. Однако, и та робкая попытка сгруппироваться по языкам смазывалась массовостью двуязычия и многоязычия. Особенно невозможно оказалось отличить друг от друга сагаязычных «якол», тунгусоязычных «тонгус» и ламутоязычных «лабынха». Зафиксировала это отчетливее всего легенда о родословной Тыгына или Дыгына.

Воеводам, поспешившим еще с дороги сообщить в Москву о проживании в Якутии тунгусов, ламутов, якутов, оказалось нелегко находить на месте таковых. Языки оказались недостаточно отчетливым признаком для деления якутян на только-что создаваемые административно этносы. Пришлось предпочесть золотоордынский метод деления подданных на «конных» и «пеших». Так, казахи внутри себя делились на «пешую голь» и на

«конных» зажиточных «атка минер». Последних именовали «хзх» или «казах». Тот же термин был заимствован казачеством как «казак» и при волжском окании «козак». Заодно с тем термином они позаимствовали ордынские: «атаман», «есаул», «хорунжий», «джигитовка» и т. п.

Однако то ордынское деление на «конных» и «пеших» в Якутии натолкнулось на опять неотчетливость из-за оленескотоводства. Им, оказалось, были заняты понемногу почти всюду в Якутии, где позволяла природа. Такого оленескотовода нельзя было с определенностью назвать ни «конным», ни «оленным». Их «пешие», не имевшие коня или оленя, крутились между рыбными озерами с волом и парой коров.

Поскольку иных принципов создания новых этносов не было, и воеводы не могли придумать сами другой принцип, пришлось использовать тот ордынский комбинированно с языковым. Тундровых «пеших», невзирая на разноязычие, оптом отнесли к юкагирам. «Оленных» высоких северных гор назвали ламутами. «Оленные» тайги с частью оленескотоводов были записаны как тунгусы. В списки якутов попали те, кто занимались рыболовством на озерах без оленей и лошадей и оленеското- воды с преобладанием в своем хозяйстве луговых животных. Первых назвали или «худым якольцем балыкса» или «пешим якутом». У попавших в списки «конных» якутов, количество поголовья луговых животных должно было намного преобладать над числом транспортных оленей. Им между тем не запрещали вести и прежнее оленескотоводческое хозяйство. В числе представленных к награде в середине 19 в. богач якут Кокорин имел и своем хозяйстве до полуторы тысяч оленей, несколько сот луговых животных, в том числе и пару десятков привозных овец. В том регионе легенды удивляют сегодняшних фольклористов упоминаниями о каких-то рогатых

лошадях. Явно они так именовали оленей из такого комбинированного оленескотоводческого хозяйства, типа вышеупомянутого кокоринского. Та «рогатая лошадь» одновременно находит череп лошади с оленьей золотой маской из скифского кургана.

Интересные находки почти всегда обнаруживаются попутно при поисках другого или вовсе посторонними. Беда якутоведения состояла в том, что при поисках заданного, хоть самородок валялся под ногами, не обращало внимания на попутные сведения. Так и при поисках документов о добровольном вхождении Якутии в состав России никого не насторожило полное отсутствие родовых и этнических глав, с которыми следовало подписывать дипломатический документ о добровольном вхождении. Бозеко, Треки, Бойдоны, Легои, Бурухи, Кириinei оказались невластными главами родов и этносов, а лишь рядовыми «лучшими людьми», т. е. чуть богаче других. Договор с ними был бы пустой бумагой. Более того, не у кого оказалось взять и списки будущих ^ясачных. Отсюда, почти сам по себе вытекал кричащий факт о при сутствии одних язычий и полном отсутствии этносов. И воеводам пришлось самим охотиться за каждым якутянином, чтобы из них сколачивать административно этносы. А те списки должны были стать официальными юридическими свидетельствами о «рождении» всех местных этносов. Если этот кричащий факт проворонили ученые-якутоведы, то абсолютно неграмотные якуты 17 в. поняли моментально и именно поэтому дату «рождения» якутов, как народ, они пошли считать единогласно и безоговорочно со времени прихода русских, т. е. с Тыгына. Именно из-за этого понимания никто в преданиях о Тыгыне не вставил и словечка о дате «рождения» якутов. Против таких упрямых фактов вряд ли кто отыщет зоны.

В тех же материалах якутоведение и не попыталось

выяснить, почему в одной лишь Якутии составление ясачных списков вызвало столь массовое и продолжительное бегство. Ведь, не бежали от ясака даже «двое-данники», платившие одновременно ясак и Алтын-Хану и царю.

Не поняли причины бегства из-за того, что не нашли нужным посчитаться с отличительными особенностями жизни якутов. Сама массовость бегства в единственном числе по всей Сибири показывала, что якуты и их жизнь не имели себе подобных в регионе, потому и бурнее среагировали на крутой поворот в устоях своей жизни при ясачном режиме. Последний ломал их устоявшиеся устои жизни во всех направлениях. Во-первых, их силком делили из аморфного монолита на какие-то непривычные группы, именуемые этносами. Отныне им предстояло отмежовываться друг от друга по этническим квартирам. Среди этносов оказались одни попавшие в списки якутов. С другой стороны, выпячивание «конности» от живого тела главного кормильца — оленекотоводства отделяло его составные в виде самостоятельных отраслей, неспособных прокормить своих приверженцев без чужой помощи. В-третьих, выведение лугового животноводства вынуждало сжечь и рубить тайгу и выпускать водоемы для создания лугов для все увеличивающегося поголовья лошадей и коров. Подобное кощунство над природным равновесием не сулило ничего утешительно-ю. Паника от слома привычного привела ко всеобщему бунту, имевшему вид массовых бегств, чтобы на новом месте попытаться попасть в списки льготного этноса «мясоедов». Некоторым это удавалось, т. к. до поимки и объяснения они успевали обзавестись главным признаком создаваемого этноса «якут» — лошадьми, крупным рогатым скотом. Иным, по легендам, это удалось при помощи взятка составителям ясачных списков. Таким образом, и взяточный метод имел, по-види-

тому, немалый удельный вес в процессе «родовых мук» «рождения» якутов. Поэтому те бегства нельзя было назвать «массовыми переселениями якутов» на окраины в 17—18 вв., ибо до бегства у тех беженцев вовсе не было никакой этнической принадлежности. А бежали на окраины не чистые скотоводы, а оленескотоводы, привыкшие штурмовать необжитые дикие места, опираясь на охотничье-рыбный промысел на оленях. А считанные коровы и лошади им служили сберкнижкой на случай удачливого создания обильных рукотворных лугов на диких местах. Беженцы уходили не куда попало, а к «родникам». Иначе они рисковали быть отогнанными обратно как чужаки. О подобных случаях отгона чужаков со своей территории много говорят хосунская эпопея и, так называемая, «маугирская война» (по-якутски «майаат сэриитэ»). Случилось это в самый разгар «массовых переселений». В 17 в. Майааты озера Ысеи пошли вооруженным путем отгонять наплыв беженцев из долины Вилюя. События развернулись так, что воеводы якутского острога и западные воеводства вынуждены были выступить в роли миротворческих военных сил. Собственно, воеводы чуть не довели тот майаатский конфликт до натуральной войны. На деле же вооруженные отряды майаатов, без стычек, лишь курсировали по долине Вилюя потрясением оружия и бранью, отпугивая наплыв переселенцев. Непривыкшие к войнам якутяне то потрясение оружием и брань называли «войной»! Та «майаатская война» создала огромную серию легенд

и преданий. Там выяснилось, что якутяне, ставшие «на тропу войны» («кыргыз ыллыга»), окрашивали свою одежду в цвет крови: «ккбыл бутук». Люди в красный бутуках цветом одежды предупреждали мирян, что они — люди «с тропы войны». Это опять навязчивое упоминание об единстве культур якутских и индейски, Майя. Индейские Майя становление «на тропу войны»

также выделяли покрытием кожи красной охрой и татуировкой с исполнением военного танца. Якутские Майя-Майааты той же охрой покрывали одежду «кыбыл бу- тук», татуировали лицо вшиванием окрашенных шейных волос оленя в кожу и исполняли военный танец «Ил- бис». Этот танец «Сэттээх», обязательства которого не были снимаемы ни магом, ни шаманом. Короче, у став- шего 113 «тропу войны» и исполнившего страшный танец «Илбис» были только два пути: или гибель в бою, или избавление через победу над врагом.

Знаменитая легенда о Нюрбакане как раз относится к той «маутирской», «майаатской войне» с применением «красных бутуков», «шитья лица» (хоро сочема) и танца «Илбис». Это лишнее указание того, что «кыргысы- иым веком» называли время бегств от ясака и охоты на «неясачных».

Оформление этносов и народов Якутии не закончилось и сегодня. Начальная льготность этноса «якут» позволила сагаязычию разлиться от Таймыра до Чукотки и от Ледовитого океана до Северного Китая за Амуром. Остальные малоязычия пошли на свертывание. Только после суверенитета их стараются возрождать не очень успешно. Их возрождение пошло бы ходчее, если бы за Те языки были бы установлены ощутимые и устойчивые льготы морального и материального порядка, как это было сделано в свое время с сагаязычием.

Отнесение себя к тем или иным этносам и раньше, и сегодня зависело от материальной и моральной выгоды. И. Так, в 50-х годах из-за льгот детям в обучении и интернатском содержании довольно заметно увеличилось количество малочисленных. Зато увеличилась у Якутии численность обрусевших с полной утратой родных языков. Те еще не заменили этническую принадлежность и не придумали себе новое самоназвание.

Самоназвания в послерусское время также менялись довольно часто. Чаучи-чукчи в свое время переходили на «луораветлан», нымыланы стали называться коряками, ламуты — эвенами, тунгусы — эвенками, якуты — саха, асе-ася-эдьээн-эдьиганы переходили на «неякут-саха» и сегодня записаны как долганы, одулы полностью перешли на «юкагир», чуванцы, юсалы, чавчувены, па-шенные-баабынай исчезли.

Эвены и эвенки по сей день не только не уточнили свои этнические рубежи, но даже путают кто эвен, кто эвенки и кто долган. Жителей Оленекского, Жиганского, Анабарского и Булунского улусов И. С. Гурвич отнес к якутам-оленеводам. На деле же они—оякученные майааты и долганы-эдьээн-эдьигааны. Среди оймяконцев в прошлом преобладали ламуты, долганы и майааты-майагатта. Все они сегодня записаны якутами. Колымские хацаайы — бывшие майааты из реки «Коо Вээма» («коо» по угро-самоди «река», «вээма» по-чукотски «река») то фигурировали как ламуты, эвены, чуванцы, чавчувены, нымыланы, то выдавали себя как якуты. Усть-майских селькупов — куп и долган-эдьээнов якуты называют «майскими тунгусами», а эвенки — «алданскими якутами». А они сегодня в паспортах записаны как эвенки.

До 40-х годов 20 века были неустойчивы сами понятия «якут» и «тунгус». «Когда был оленеводом — был; тунгусом, сегодня я — скотовод, т. е. стал якутом», — говорили многие. «Какие они тунгусы, когда и поругаешь их по-тунгусски ничего не понимают?» — встречались и такие высказывания. «Соседи их так называют» — говорили трети. Виллюйчан и людей из Горного улуса до недавнего времени соседи называли «виллюйскими и горными тунгусами» или «лесными тунгусами» — «мае то-шуЙа». Это выражение, явно, означало «таежные тунгусы». Однако удивляет, почему не «ойуур тонуБа».

Вся эта этническая недооформленность очень отчетливо выделялась в том, что каждый участок имел свой говор, диалект — остатки былых языков. Все это так свежо, что по сей день не выветрились еще акценты. Л акценты — не долгожители.

Невзирая на наличие официальных «свидетельств о рождении» в виде ясачных списков, сведения о древних предках якутов становятся еще загадочнее. Загадочнее и запутаннее потому, что глубинные корни каждого рода и этнонима уходят в дебри угро-самодийских п майаато-индейских общностей.

ЧАСТЬ II

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРЫ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ

ГЛАВА I

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

При выяснении этногенеза народов Якутии, пожалуй, самые броские сведения сохранила пища. Эта область материальной культуры в Якутии отличается тем, что она никогда не выкидывала на свалку все свое старое. Одновременно она старалась не отставать от новинок, поступавших извне. Отсюда, пища народов Якутии превратилась в своеобразный музей, сохранивший все этапы развития народов края от первобытности до нашего сегодня. При этом превосходно сохранены и термины, и технология. Общая картина якутской пищи — ее местное происхождение. Старожилые русские, утратившие свой родной язык, полностью сохранили в данном крае свою кухню по технологии и терминам. И якуты, если бы они были переселенцами извне, кухню своей прежней родины сохранили бы и в Якутии.

В растительной пище якутов, начиная от названий пищевых растений, кончая самой кухней, все стопроцентно местное угро-самодийское.

Якутские ягоды «отон» (брусника) и «эдъэн» соответствуют ненецкому «оде» (ягода). «Дьордьомо» из усть-алданского говора относится также к словам самодийского происхождения. «Моонньобон» (черная смородина) по характерному окончанию также из самоды. Сушка заболони с легким копчением и составление из них оригинальных пачек для хранения, приготовление и обработка свежих стружек из заболони также полностью соответствуют самодийским способам их приготовления. Берестяные и из лиственничной коры бочки для хранения заболони с термином «холлобос» — также не достояние одних якутов, а всех самоды. Явно они на самоды или кетоязычии, ибо в них нет ничего тюркского и монгольского. Тюркское «дерево» — «агач» не встретите в Якутии, но и «мае» — у тюрков и монголов.

В растительную пищу якутов от старожилых русских вклинилось немало хлебных и мучных изделий: «лэп-пиэскэ» (от русского «лепешка»), «саламаат» (от русского «саломат»), «хаабы» (от русского «каша»), «чиэс-тэ» (от русского «тесто»), «беруек» (от русского «пирог»), «алаадьы» (от русского «оладьи»), «буулка» (от «булка»), «халаачык» (от «калач»), «буханка» (от «буханка»), «килиэп» (от «хлеб»), «токуккай» — описательное якутское слово, но по технологии и форме точно копирующее русские сушки для детей. Сам зерновой хлеб на внешний вид будто бы имеет свое тюркское название «бурдук». Однако это слово у преобладающей массы тюркоязычных «нан» или «нон». По территориальной близости именно этот «нон» («нан») должен был добраться до якутов. Однако до якутов добрался только «бурдук», встречающийся только у одних татар-ношйцев. Расселение их издревле у кавказских гор

и в Причерноморье. Каким ветром могло занести это] слово за тридцать земель к якутам — дело уму непостижимое. Если бы оно шло через массив сибирских татар, то остатки его обнаружилились бы у кого-то из них. Подобного факта нет. Остается предположить, что слово занесли русские вместе с понятием «бурда». Или его могли занести сами ногайцы-толмачи (переводчики), находившиеся на русской службе. Понятию «бурдук» в Якутии сопутствовали бы такие же тюркские термины и технология изготовления хлебопродуктов, чего у якутов нет и в помине. Со словом «бурдук» до Якутии добрались бы и тюркские названия хлебных злаков. Их тоже не оказалось в Якутии. Все хлебные злаки в Яку-; тии имеют только термины, используемые русскими.

Якутская ступка «кэлии» от угро-самодийского «кэлэ», «хала», «кала» — «рыба». По технологии и терминам и рыбная пища якутов также стопроцентно оказалась угро-самодийской. Это соответствует и родовому составу, и древним топонимам. Те термины таковы: хачымаас, хулто, лакыыта (накыыта), хоонгуура, сыма, липпэ, барча, буурса (порса), кыбах, дьуукала, олорбо, хохту, лыыба, тала, талаха, чээлимэ и т. п. Термины, относящиеся к орудиям лова и техники лова: туу, тыы, онгочо, илим, Мунгха (мунка, бабадьы), сантыы, куойа, мангкы, кэлии (разновидность куйуура), куйуур, тарабана, суур, дадараангкы, биэрэс, сип, нырыы, тымтай, тууйас, ыаБас, чабычах, хатарБан, тордуйа, эрдии, холбо.

В противоположность привычкам степных народом, якутская кухня в способах приготовления рыбной пищи впрямую полностью игнорировала соль. В 30-х годах 20 века и чуть раньше пошли применять соль при варке ухи якуты, перешедшие на заимствование русского и городского быта и жизни. Однако и они при жарении рыбы на рожне также не признавали соль, применяя ее только при жарении по-русски на сковороде.

Неповторимой особенностью рыбной пищи якутов, которая не может иметь место в теплых степях, является заквашивание рыбы. Этот метод — истинное порождение вечной мерзлоты и бытует в Якутии тысячелетия. А. П. Окладников в местности Кууллаты-Урэх близ г. Якутска выкопал сымовую яму неолитических людей, полную костями рыб. Возраст ямы 3 тысячи лет. Это были самые древние обнаруженные «сымасыты» Якутии, а вилюйчане — самые позднейшие хранители этого метода хранения рыбы впрок. У вилюйских и ко-бйских сымасытов нами зафиксированы около двух десятков разновидностей сыма.

Другую неужную особенность рыбной пищи и заготовки ее впрок составляют якутские замороженные блюда и холодовой способ хранения части рыб. Таковы блюда: тала, талаха, согуда и другие, известные сегодня под названием «строганина». Они сегодня изготавливаются из одних стружек замороженной рыбы. А в прошлом встречались блюда и из накрошенных кусков замороженного филе.

Подледный лов рыбы в реках и озерах предкам якутов не привезти было из теплых степей. Также, выработанная тысячелетиями, сложнейшая система методов и приемов лова рыбы является сугубо северной. Кстати, древние методы захоронения якутян почти точно копировали технику и методы запасания рыбы впрок. Таковы «арангасы», копирующие «холбо» воздушного и над-ясмного типов. Использование плиточных камней и пещер в скалах при захоронении также повторяют приемы хранения рыб.

В мясной пище якутов 60 процентов терминов со-гоит из угро-самодийских слов и 40 процентов из слов тунгусо-манчжурского происхождения. Казалось бы гульбы якутов и ненцев не скрещивались. Однако, если шить в руки словари этих двух народов, то обилие оди-

наковых слов и выражений поражает внимательно сопоставляющего. Якутский «итир» (брюшной жир) очень похож на ненецкий «дир» и русский «жир»; якутский «туруйа» (журавль) похож на ненецкое «хорье» и на русские «хор» и «хоровод» (танец, напоминающий журавлиный хоровод); якутские «амтан» («вкус»), «амсай» (вкусить) и ненецкое «нгямза» (мясо) — одинакового происхождения; якутские выражения «пай барбыт» (обленился) и «кенгул айбардыр» (вольничает) и ненецкое выражение «найбарц» (пировать обильной мясной едой) удивительно похожи. Здесь приведены примеры лишь из области мяса и мясной пищи. Между тем якутский «эт» похож на кетский «кэт». Оба слова означают «мясо». Кетское слово «арынгит» (масло, жир мясной) соответствуют якутскому «арыы» — «масло». А то слово по-монгольски «тобин» и по-тюркски «май». Впрочем, такая же путаница со словом «айах». Это слово у якутов означает «рот», а у тюрков — «нога». Заменить «рот» «ногой» в переводе слова «айах» мог только очень плохо владеющий тюркским языком.

Как мясную, так и рыбную пищу якутов, сильно разнообразили обилие сушеностей, толченостей и вяленостей и наличие множества блюд из внутренностей.

Из всего комплекса пищи якутов по терминам стоит чужеродным телом их сагаязычная молочная кухня. В ней уже нет ни угро-самодийских, ни тунгусо-манчжурских терминов. Хотя у якутов и имеется сам метод изготовления кумыса, но технология его отлична от южной степной. Например, все кумысоделы южных степей от остатков кумысоделия изготавливают сыр и творог. Подобного использования остатков кумысного производства у якутов нет и в помине. Более того, якуты даже представления не имели о сыре, когда тюрки и монголы изготавливают его во многих вариантах издревле. Вдобавок, сельских якутов, живущих безвыездно, даже пре

тит вкус сыра. С другой стороны, из перекишшего кумыса все тюрки и монголы делают молочную водку «арак», «архи» и «тарасун». Из них до якутов дошел лишь один термин «архи» опять в искаженном произношении и превратился в «арыгы». Термин этот якуты употребляют для привозных винно-водочных без разбора. А что «арыгы» можно приготовить самим из кумыса и перекишшего молока, у якутов нет и представления. Отсюда, термин «арыгы», скорее всего, привезли русские и их толмачи-переводчики. Иначе до якутов дошла бы и технология изготовления самой молочной водки. И в другой части молочной кухни якутов также встречаются несоответствия с южными. Например, у хакасов «корчик» — волосяная мутовка, а у якутов «куерчэх» — сбитень из сливок; хакасский «хаймах» и якутский «хайах» — лишь полупохожи по терминам и разны по технологии. Якутское слово «чохоон» искаженно повторяют древнее самоназвание карелов «чухон». Термин привезен русскими и приклеен к одному из древнейших молочных продуктов якутов. Тюрко-монгольские термины молочной кухни, скорее всего были привезены сагаязычием.

Молочную терминологию, надо полагать, заменил своими поздний сага-язык. Это аналогично тому, как сегодняшние обрусевшие якуты из якутского языка взяли себе только названия таких явлений, которых нет в русском языке. О том, что до сагаязычия Якутия имела какие-то свои скотоводческие термины, свидетельствуют загадочные слова: Дьеһегей, Илгэ, Тунах, Селегей, Мингэ, Бабах, Сири-Ибит, термины для мастей лошадей и коров, салама, чэчир и т. п.

Жилища и поселения якутов также стопроцентно северны. Возьмите главный символ якутов — сэргэ. Какая может быть речь о коновязи из столба в безлесной степи. Якутская ураса из бересты также вещь не из голой степи. Само слово «ураһа» фонетически созвучно со сло-

вом «алаһа». Следовательно, и «алаба» на Енисее и Алтае-Саянах — остаток от их древнего угро-самоди. Якутское стойбище на Булуне и Жиганах и сегодня сохранило название «сурт» (кубунгнгу сурт, сайынгнгы сурт и т. п.). А «сурт» — угорское «йурт». «Хайа дьуртугунуй?» — вопрошал в своих староякутских находках Суорун Омоллоон. Это означает: «Из какого йурта или сур- та?», т. е. стойбища. Якутское «ыал» также соответствует угорским «эль» (мани эль), «аил», «аул». А вот «кийилээх» или «кишлак», «кишняв», «кийив» (киев) у якутов отсутствуют. А они могли бы иметь место, ибо «ки» — «человек» по угро-самоди не чужд якутам. О древнем традиционно якутском жилище под селькупским термином «мо» в виде Холомо, Халтаама отмечено уже выше. У тюрков «дом», «жилище» — «уй». Вместо него у якутов «дьиэ» от эвенкийско-эвенского «дьюу». Термины «ампаар» и «балаган», кажется, занесены русскими. Тот же балаган русские называют и «юрта» от угорского «йурт». Одновременно те же угорские термины и без русского посредничества, как общесибирско-северные, по языковой эстафете могли добраться до Якутии вместе с конструктивными модами на типы жилищ. Во всяком случае, те деревянные конструкции и термины не имеют ничего общего ни со степью, ни с тюрками.

Одежда любого времени подвержена изменениям и поправкам соответственно модам. А моды зависят не столько от физических переселений, а сколько от обмена и всевозможных контактов. Поэтому одежда — не совсем благодарный материал для выяснения проблем этногенеза. Из одежды в области этногенеза могут быть полезны одни наиболее устойчивые ее элементы. Какова была одежда якутян до воздействия русской культуры неизвестно. Наиболее старые образцы из музеев и раскопок имеют бусы русского производства.

Дорусская одежда всех якутян была противохолодовой. Это главное отличие одежды якутов от южного степного. В той противохолодовой одежде до русских почти не было деления на этнические. Они были лишь региональны и приспособлены к типам занятий и к климатическим особенностям. Так, без разбора этносов вся тундровая меховая одежда была «глухой», т. е. противовеетровой. Таковы кухлянки, парки, сукуи и спальные мешки. Оленеводческая одежда тайги и таежных гор была приспособлена к профессии оленевода и охотника, имеющего дело с резкими движениями. Те типы одежды обтекали тело и не стесняли движение. Дудика, копто, мэкчэ — одежда типа кафтанов и курток. Шапки в тех регионах были капорообразны и снабжены противовеетровой опушкой. Поскольку в Якутии до русских не было специализированного скотоводства, а было лишь оленеводство, особой скотоводческой одежды не было. Оно пошло выработываться лишь в послерусское время и под воздействием русской одежды. Из одежды якутян особое место занимает та ее часть, которая ниже пупа. В отличие от степного она не состояла из цельных штанов и обуви с высоким голенищем. Вместо штанов якутяне пользовались трусообразным «сыалыйа» и ноговицами «сутуруо». «Сыалыйа» в верхней и нижней части украшалась тесемчатой бахромой. У девушек на выданье бахрома снабжалась указателем девственности — металлическими подвесками и подобием колокольчиков. Бахромой или мохнатой опушкой снабжалось и «сутуруо». Шаманы свои «сутуруо» и «сыалыйа» снабжали звонкими металлическими подвесками. Обувь летняя имела короткое голенище и называлась «олооччу». В охотничьем варианте «олооччу» заменяла «эмчиирэ» — не сшитая пластинчатая обмотка. Удивительно якутские сыалыйа, сутуруо, олооччу, эмчиирэ точно повторяются у американских индейцев. Их танцоры, подоб-

но якутским шаманам, в такт движению позванивают металлическими подвесками. Их мокассыны — почти точная копия эмчиирэ. Якутские этэрбэс также повторяются у индейцев. Описанная одежда якутов присуща всем угро-самоди Севера. Как видите, и в одежде якутов нет ни капельки степного и имеющего марку тюркского или хуннского. Сегодняшним создателям якутской национальной одежды можно бы посоветовать заниматься больше созданием самостоятельных национальных атрибутов одежды, чем ысыаховыми комплексами одежды. Из-за ношения последних лишь на праздниках и торжествах спрос на них будет незначительным. А если будут изготовлены национальные атрибуты, пришиваемые и подвешиваемые к обыкновенной одежде, будут иметь такой же широкий спрос как иностранные нашивки и рисунки, пришиваемые и приклеиваемые к одежде.

Орудия труда и снаряжения якутян также не признавали ни этносов, ни оазисов языков. Они всюду были одинаковы в своих отраслях занятий. Исстари якутян искусственно делили на этносы и народы одни ученые и администраторы. Позже, примирившись с подобным делением, за национальное стали выдавать и сами якутяне, имеющиеся некоторые различия материальной культуры, связанные со специализацией отраслей занятия. Не вдаваясь в те отраслевые различия, надо отметить полное отсутствие у якутян ни капельки военного в их охотничьих снаряжениях. Пальма «батыя», одинаковая во всей Якутии, не годилась для войны. Этот большой охотничий нож на длинном древке не был ни пикой, ни саблей. Его бугорообразное лезвие при фехтовании было опасно самому владельцу оружия, так как при парировании ударов оружие противника соскальзывало бы только в сторону рук владельца пальмы. А там отсутствие боевой крестовины не защитило бы руку. Этим громоздким оружием охотники опасались пользо

ваться даже при схватках со зверями-хищниками. Прямое назначение пальмы — обрубка ветвей с седла при прокладке тропы в чащобе. Ею было удобно также очищать от сучьев жердяные остовы чумов. Охотничья пика не имела боевых упора и крестовины. Она не годилась ни для пешего, ни для конного боя. Якутские сабли батас и болот — не совсем умелые копии казачьих сабель. Не умели в том отношении, что в них не позаимствованы боевые качества русских меча и сабли. Во-первых, ни болот, ни батас не снабжены ни эфесом, ни крестовиной для защиты руки. Во-вторых, в форме их лезвия сохранен тот бугорок лезвия пальмы. Подобное лезвие делало батас и болот вовсе непригодными для фехтования. Встречавшиеся мне образцы якутских шлема и пластинчатого панцыря не годились в боевых целях, ибо они были пришиты не в виде рыбьей чешуи. Отсюда, промежутки между ними не защищали тело ни от стрел, ни от уколов пикой или от сабельных ударов. Пришивка пластин кожаными бичевками вовсе обесценивала панцырь и шлем.

Злые военные знания, как всякая дурь, очень прилипчивы и не забываются при сменах поколений. Отсюда, если предки якутов имели военное прошлое степных завоевателей, то куда делись те военные знания у якутов при изготовлении ими пальмы, болот, батас, шлема и панцыря. И это не все. В богатырствованиях олонховских героев также полностью отсутствуют военные знания. Как ни тщательно следил за описаниями схваток олонховских богатырей, я не обнаружил ни элементов фехтования, ни других следов военных знаний. Это — обыкновенная драка в кулачную с поножовщиной. Пришедшие на помощь в олонхо стоят в сторонке наблюдателями, дожидаясь своей очереди для замены уставшего. Разве поступал бы так древний вояка-степняк, пришедший на помощь своему сородичу. Тут

военных обычаев и знаний сливается воедино с невоенностью подвигами оружий якутов. Отсюда, олонховские дуэли явно являются творческой самодеятельной переработкой волшебных «схваток» шамана с дьяволами под социальные дуэли пришлого языка с иным социальным строем.

ГЛАВА II

ИСТОКИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Якутское язычество относилось к религиям самой ранней Дириг-Юряхской зари человечества. Она очеловечивает всю живую и неживую природу. Согласно тому очеловечиванию, каждое растение, каждый камень, каждое озеро, каждая гора, каждая зверина, рыба и птица имеют внутри себя своего внутреннего разумного человечка под названием «иччи», что под угро-самоиди «Йи» — «чи» (человек — человек). Иччи наделяли всеми качествами человека: гора, облака, насекомые, дерево могли думать, радоваться, обижаться, мстить, помогать кому-то и т. п. Отсюда и деликатное отношение язычников ко всей живой и неживой природе. Именно от остатков подобного очеловечивания живой и неживой природы черпают свои волшебства все сказки планеты. Обряды якутов основываются именно на таком представлении об иччи. Иччи они делили на добрых и злых. Само понятие иччи породило и такое представление, будто у самого разумного человека имеется свое внутреннее миниатюрное иччи, т. е. получалось так, будто внутри человека живет второй мини-человек — иччи человека. Чтобы отличить иччи человека от иччи остальной природы, его наделили другим термином — «кут» от самодийского «ку», «кут» — «человек», что соответствует русскому понятию «душа». Тот «кут» живет внутри живого человека, а после его смер-

ти уходит существовать самостоятельно. Только после смерти единый «кут» человека распадается на 3 части: воздушный, водный и земляной его виды. Выходит, после смерти человек распадается на 3 части и никогда больше не объединяется воедино. Кроме «кут», человека и животных наделяли его зеркальной копией или его тенью, именуемой «сюр» от угро-самодийского «сю» — «зверь». Понятием «сюр» древние подчеркивали, что и человек относится к царству животных и зверей.

Когда человек болел, считали, что у него украли его «кут» или «кут» сам сбежал от человека. Когда «кут» съедал шаман или злые духи, человек умирал.

«Кут» умерших становился дьяволом. За исключением злых иччи природы, «кут» умерших был единственным источником пополнения армии якутских «абаасы» — дьяволов, от «угро-самодийского «аба» (мертвец) и «чи» (человек). Отсюда, «абачи» или по-якутски «абаабы» — «иччи мертвого человека».

Общение с иччи, т. е. с очеловеченными силами природы, якутское язычество осуществляло большей частью без жреческих услуг. Каждый верующий сам мог лично обращаться к любым иччи добрым и злым. Обращение производилось при помощи подношения предметных даров или угощения их через уста огня. Таким образом, иччи огня был постоянным посредником между людьми и иччи. Канонизированных молитв еще не было создано. Их заменяли алгысы прозаические, стихотворные нередко с песнями. Начавших специализироваться в деле алгысов называли просто алгысчитами. Таковыми становились обыкновенные мастера слова или певцы. Православие их назвало «белыми» шаманами. Это был ляпсус, ибо «Айыы ойуна» в дословном переводе означал «божий дьявол». Само слово «ойун» — от угро-самодийского «йунг» — «дьявол». От того же угро-самодийского «тангра» с типичной «-ра».

Якутские иччи имели угро-самодийские названия: Барыылаах от самодийского «вар» — «большой», «старший». Его параллели у угро-самоди: Барулак, Баруси, Сибчи, Сибучи. От последнего якутско-эвенкийский Сэ-бэки, Сэбэк и якутский сибиэн. Короче, истоки якутского язычества связаны с циркумполярным язычеством Севера. Тут опять та же навязчивая общность с индейской культурой.

В отличие от крупных религий якутское язычество не создало специальных складов для накопления душ мертвых, т. е. оно не имело ни ада, ни рая. Связано это с тем, что первобытное общество, породившее якутское язычество, не имело ни тюрем для наказания мертвых душ, ни рая для убаготворения душ курортными условиями. Это и понятно: первобытное общество не имело ни богачей с образцом райско-курортной жизни, ни карательных для поддержки отсутствующей власти, якутское язычество не создало и царя-диктатора душ — бога. Короче, якутская религия была религией без социальных богов. В условиях отсутствия ада и рая, язычеству якутов хранить контингент душ (кут) было негде. Поэтому допускалось, как в безотходном хозяйствовании, утилизация душ мертвых путем вкладывания части из них в рождающихся детей, детенышей зверей, птиц и всякой живности. Так создавалось понятие многократного «перерождения» мертвых. Таким путем якутское язычество избегло создания специальных складов для хранения мертвых душ всех времен в виде рая и ада.

До утилизации души мертвых вынуждены были жить в своих воздушных гробницах — арангасах или в надземных коробах-склепах — наземных «арангасах». В дневное время они из гробниц не высывались. Зато после захода солнца шли они бродяжничать там, где раньше жили и работали, т. е. среди живых. Отсюда, названные позже «Срединным Миром» (Орто Дойду)

было обиталищем и живых, и мертвых. Так язычество обходилось без ада, заменив ад ночным временем.

«Ад» якутам привезло христианство. Оно запретило воздушные и наземные захоронения мертвецов и приказало обязательно под угрозой штрафов, закапывать их в землю. И это мероприятие не обошлось без социальных тревожений. После введения закапывания мертвецов в землю якутам пришлось позаимствовать у православия понятие о Подземном Царстве. Только его не называло адом. Тут творческая самодеятельность поработала с блеском. В качестве проходов в Подземное Царство использовали погребальные ямы. Хозяев Подземного Царства называли Арсан Дуолай (Зубастая Пасть) и Буор Макгалай (глотательное устье земли). Оба названия — иносказания погребальной ямы. Заселили это царство также своеобразно. Там поместили новопридуманных дьяволов: ИлиэБэй (от русского «леший»), Дьяабыл (от «дьявол»), Адьарай (от библейского Азраил), Дьэгэ Бааба (от Баба Яга), Кээлээни (от чукотского «кэлэ» — «дьявол»), Чвчүеккэ (от русского «суседка») и т. п. В это Подземное Царство не ссылали грешников.

Принявши библейский ад, якутскому язычеству пришлось придумать и замену для рая. Только якутские небеса тогда были заняты самыми злыми из местных абаа-сы — небесными посылателями самых лютых морозов. Православие требовало те небеса как-то превратить в рай. Тут местная самодеятельность вместе с миссионерами разделили небеса на ярусы. На одном из тех ярусов оставались жить прежние небесные абаасы, а в ярусах по соседству поместили якутских Айыы, почти силком переселенных с поверхности земли в небеса.

Языческая самодеятельность создала и царя-диктатора* ра для тех Айыы в лице Кун Айыы Тойон и Аан Алахчын Хотун. Прообразами той выдумки стали эпитеты русско-

му царю, придуманные в Якутии 18—19 вв. Тогда царя якутская аристократия величала «Кун Судаар», «Еруц Ыраахтаабы». Из этих двух выражений скомпонован Кун Айыы Тойон. Причем слово «тойон» образовано от русского «тиун». Царь-мужчина не мог не иметь жену. И придумали такую из изысканных комбинаций якуто-угро-самодийских слов: «Аан» — «Изначальная», «Ала» — «Великая», «Кчин» или «Хчин» — «Человек», «Хотун» — «госпожа». Эту супружескую чету наделили способностью вершить судьбы. Мысль, возможно, продиктована миссионерами для восславления своего царя подобным образом. Здесь иногда прилепляют поговорку «Чыны хаантан ыйаахтаах, Одун хаантан онюбуулаах», отвечающую на вопрос: «Кимтэн кииннээх, хантан хааннаах?» В ней имя хана Чингиса не понятно. Слово «хаан» якуты приняли не за титул правителя, а сочли за указатель кровного родства. Поэтому они туда прилепили от себя выражение «Одун хаантан», т. е. от крови одунов или одулов. В самом деле по родовому составу в этнос «якут» вошло значительное количество одунских или одулских родов: Одуну, Уотту, Ботту, Уедэй, Уедугэй, Онту, Одул и т. п. Если бы понимали титул хана Чингиса, то русского царя не пришлось бы называть «ыраахтаабы», а называли бы «русским ханом» или «русским каганом». Это опять лишнее свидетельство о том, что якуты ничего толком не знали ни о тюрках, ни о монголах.

ГЛАВА III

ФОЛЬКЛОР — ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ, СОЗДАВШЕГО ЕГО ЭТНОСА

Если отнести к виду фольклора и характерное приветствие, то из него можно почерпнуть немало сведений о прошлом народа. Якутяне при виде незнакомца кидат

лись навстречу с приветствием-просьбой: «Кэпсээ, туту биллин» (Расскажи, что узнал нового) или бросят короткое эвенкийское «Улгучэкэл!» (Расскажи), что в якутской кальке выходило как «Кэпсээ» и по-пашенно-му «Капсэ!». Это — не приветствие, а вопиющий крик информационного голода от издревле заточенности в без-людьи. Оно избличает рассказы о якобы наличии в истории Якутии таких фактов как приход беженцев от хуннско-тюрко-монгольской тысячетней резни и вынужденности прятаться столетиями от какого-то «Кыр-гис уй^{этэ}»- Вынужденность прятаться от внешних имперских и внутренних кыргызовых войн вызвала бы иное приветствие, чем беспечное «Кэпсиэ». Люди прятались бы как затравленные звери, и не высказывали бы навстречу первому встречному с нетерпеливым возгласом: «кэпсиэ!» Об этом говорит горький пример всех натерпевшихся от войн.

Изобличают необоснованность версий о якобы присутствии не эстафетных, а прямых контактов древней Якутии с воюющей степью и сказки как якутов, так и всех малочисленных Якутии. В тех сказках единственно только о зверях, птицах, рыбах и природных явлениях, нет ни капельки о социальных отношениях и власти классовых обществ. А познание классовых страстей и алчности к богатству — неизлечимее наркомании. Беженцы от алчных войн хунно-тюрко-монгольских каганатов и ханств и в Якутии бы не позабыли страсти и алчность социального строя войн. Тоску по оставленному ими в степях социальному строю, подобно оякученным старожилым русским, они непременно бы выразили в пересказах прежних сказок о ханах, каганах, принцах, купцах, полководцах, войнах, трофеях и богатствах. А у якутов и якутян нет и представления о сказках подобного сюжета. У них, бедных, и слова-то нет о понятии «золото», ради которого древние тюрки, хунны

и монголы воевали тысячелетия. Дошедший через десяток рук до якутов, тюркский язык потерял по дороге слово «золото» — «алтын». Поздние, узнав об этой прорехе своего «тюркского» якутского, пополнили недоста-ток, окрасив серебро «кумуч» в белый и красный цвета: «уруиг комус» — «серебро», «кыйыл комус» — «золото». Сколько проведено подобных «ремонтов» тюркского, доставшегося через не ахти знатоков языка, никем еще не подсчитано. А встречаются уверяющие будто бы якутский язык является хранителем самого чистого и древнейшего вида тюркского языка.

Бедный якутский язык не получил через эстафетчиков не только понятие о золоте, ради которого воевали древние степняки, «отсталые» эстафетки языка до якутов не донесли даже понятия о ханах и каганах. Кое-как долетевшая до Якутии, как затухающие звуки горного эха, острейшая степная притча о черных ханах (Хара Хаан) не была понята якутами. Последние не поняли и смысл эпитета «черный» (хара), и царский титул «хаан». Ту притчу о черном злом царе-хане они превратили в простой рассказ о рядовом человеке по имени Харах-хаан, где «харах» — «глаза», а «-хаан» — уменьшительно-ласкающий аффикс.

Даже слух о Чингисхане, облетевший всю планету, не дошел до якутов в своем прямом значении. Якуто-ведение твердит будто предки якутов переселились в Якутию в II веке. О том, что Чингисхан представляет имя исторической личности и он имел царский титул «хан», якуты (потомки якобы тюрков и монголов) и представления не имели. А о своем вожде Тыгыне все же не забыли. От слова «чингис» они взяли не сторону личного имени правителя, а лишь его нарицательное значение «чыгыс» — «суровый». Добавив к «хаан» в значении «кровь», они получили выражение «Чынгыс хаантан ыйаахтаах» — «роком суровой крови». Данное

выражение применялось при подчеркивании неумолимости судьбы. Сами переселенцы из степей так бы не извратили память своего национального героя. Это опять вопиющее свидетельство о том, что из якутов никто никогда не имел в древности ни личных контактов, ни прямых родственных связей со степью. Иначе бы подобный вопиющий ляпсус был бы вовремя исправлен.

При попытках доказать древние массовые переселения через непроходимые преграды природных стихий, наиболее основательные из западных исследователей в качестве самого веского аргумента выставляли практические пути и методы преодоления тех преград. Так, Р. Амундсен самолично прошел насквозь побережье Ледовитого океана, Тур Хейердал на древнем плоту один проплыл от Южной Америки до о. Пасхи. Искатели переселений предков якутов также могли бы продемонстрировать переселение скотовода с одними коровами и лошадьми от южных степей до Туймаады через абсолютно бестравную тайгу шириной в несколько тысяч верст, не пользуясь сегодняшними средствами и методами. Однако, за подобный риск не взялся даже верхолец А. П. Окладников. Он, как уроженец тех мест, знал, что такой переход не осуществим практически. Явно он знал как во время второй мировой войны из вилуйского Сунтара перегнали по сухопутью до Качуга косяк якутских лошадей, отправляемых на фронт. Для того перегона были мобилизованы усилия многих и многих колхозов и заготовительных учреждений, а также современный флот Якутии и Иркутской области. Там заготавливали сено, брикетировали в прессованные пачки и с мешками овса —заранее перебрасывали на баржах на зимовья, расположенные на всем пути перегона. По слухам, из тех лошадей вынесли перегон не очень многие. Это был случайный практический опыт переселения через ту бестравную тайгу со скотом. Древним, необладавшим ни

той техникой, ни организационной мощью заготовок кормов, тот перегон был неосуществим. Сделав из того факта свой молчаливый вывод, А. П. Окладников тропическую со львами и верблюдами прародину якутов из Персидского залива перенес... в верхоленский Усть-Кут с вечной мерзлотой. И такой компромисс обрадовал сторонников «южной прародины», ибо Усть-Кут все же был «южнее» Туймаады. Однако, похожее на «переселение» из комнаты в комнату внутри одной квартиры, передвижение со скотом из Усть-Кута до Туймаады все же оставалось неосуществимым, ибо путь оставался тем же, как и перегон армейских лошадей из Сунтара в Качуг.

В книге «Якуты» В. Л. Серошевский в качестве «неопровержимого» доказательства древнего переселения с «юга» на Туймааду привел легенду о якобы преодолении вышеописанного пути при помощи проплыва одного единственного Эллэ на плоту. При этом, зная, что даже современным пароходам нелегко пройти через Ленские Щеки «Пьяный бык», В. Л. Серошевский не отважился пустить вниз по Лене Эллэевый плот со скотом. Скот себе заставил Эллэ добыть у местного Омогая. Короче, В. Л. Серошевский «преодоле» проблему перегона скота через бестравную тайгу недопустимым для якутоведения способом. Ведь, якутов «переселили» для отказа им в способности самим изобретать оригинальное самое северное скотоводство. Говоря иначе, выставление предков якутов пришельцами извне было хитрой приманкой для отнятия от якутского народа чести изобретения скотоводства полюса холода и передачи этого приоритета более «умным» воякам степи и превращения северян в этаких пустоголовых заимствователей и подражателей одних чужих изобретений вплоть до методов выживания в экстремальностях Севера... Такое стремление отчетливее всего видно в подделке древнейшей мест

ной легенды об Эллэе или Эр Соготохе. Спуск этого небожителя сверху на Землю поддельщики превратили в спуск с верховий Лены вниз по течению. Подобную ловкую подделку могли проделать только до тонкостей знающие якутский язык. Спуск Эллэя вниз по Лене поддельщики превратили в этакий культурный десант иноземцев-южан для отнятия у северян всех их культурных достижений и передачи их «умным» южанам. Так, поддельного Эллэя заставляют учить северян-омогоевцев даже основам их собственного язычества и его обрядам. Выходило так, будто северяне-омогоевцы были такими пустоголовыми дикарями, что не имели даже простейшего язычества, т. е. ставили их равными зверям и животным. Согласно тем «культурным» урокам поддельного Эллэя, выходило так, что омогоевцы до этого не додумались до обработки бересты, изготовления из этого материала посуды и жилища и вообще не имели ни утвари, ни посуды, ни орудий труда. Подобное открытое превращение людей целого региона в бездумных обезьян в литературе окрещивают этаким выдвижением «культурного героя».

Самого того «культурного героя» поддельщики легенды выставили отнюдь не героем. Для отнятия у него исходного ореола божественности небесного человека, его превратили в бродягу-идиота, пустившегося вплавь по всей Лене на одной лишь коряге. Во многих вариантах серии подделок его превратили в родича таких, которые не понимают зеркальное отражение водной поверхности. Выходит, «родичи» поддельного Эллэя по разуму были ниже животных, ибо последние изображенное на воде никогда не ищут в самой воде. Из самих якутян еще не перевелись гордящиеся подобной подделкой-поклепом.

Г. В. Ксенофонов в книге «Ураанхай-сахалар» первым из якутоведов отметил ту подделку. Только он зря

приписал авторство подделки одним «пришлым», явно имея в виду миссионеров-конкурентов по религии. Им, разумеется, небезинтересно было очернить главнейшую идеологическую опору якутского язычества — легенду о северных Адаме и Еве, т. е. легенду об Эллэе и омо-гоевской дочери. Через ту легенду якуты получали ореол полубогов-потомков небожителя и дочери Земли. С другой стороны, в противовес библейской версии, легенда о северных Адаме и Еве отсутствует сотворение божие как в создании самих северных Адама и Евы, так и людей на Земле — все в той легенде выставлено как результат естественного размножения. Православие долго не могло мириться с подобной местной идеологией. Однако, к чести местной церкви, надо отметить, что она даже в подобных случаях действовала умно и уважительно к своему идеологическому сопернику. По всей видимости, она подделку на легенду об Эллэе и Омгое поручила художественной самодеятельности самих якутских активистов-«реформаторов». Ради «осовременивания» своей культуры и выведения своего язычества от «отсталости», по инструкциям миссионеров, на мой взгляд, именно они потрудились над созданием огромной серии подделок древнейшей легенды об Эллэе и Омгое. И сегодняшние «реформаторы» якутского язычества не столь уж строги в деле сохранения в перевозданной самобытности своей религии. Поэтому и поддельщики-«реформаторы» легенд об Эллэе и Омгое явно не сочли свое «осовременивание» под потребу православия легенд об Эллэе и Омгое большим грехом перед самобытностью своего язычества. Судя по размаху количества тех подделок, была, видимо, развернута целая компания массовой самодеятельности по тому делу.

О том, что подделка была проведена при поддакивании каких-то властных структур, указывает соревно-

вательная гласность подделок Все они чуть ли не хором отвечают невнятно на три неизменных вопроса царской администрации: «Откуда переселились предки якутов?», «Почему оставили свою прародину?», «Каким маршрутом они шли к Туймааде?» Далее, следуют переработки легенды почти по единому плану. По стилю речи и ответам, исполнителями подделки были активисты-«реформаторы» из самих якутов. Возможно, имел место казенный план-циркуляр, ибо во всех улусах варианты слишком уж одинаковы.

Основной целью заказчиков подделки легенды об Эл-лэе и Омогое, разумеется, было безболезненное обезвреживание главной идеологической опоры местного язычества и превращение его в будничную байку. В тех целях подделку наштаповали сибирскими байками о дураках и всевозможными простонародными казачьими гаданиями о том, из какой части Орды могли переселиться ранние якуты. Гадание есть гадание: шарили по Западной Сибири, переселенца выставляли то татарин, то бурят. Подделка явно была заказана после достаточного укрепления позиций христианизации края, т. е. в конце 18 в. или в начале 19 в. В тот период общение чиновничества с Центром шло в основном по ленскому водному пути, и путь через Чону и Вилюй был забыт. Поэтому в подделке Эллэя пускают в путь лишь по Лене, выставляя как татарина или бурята. Более-менее сносных данных о пути продвижения и обитателях Южной Сибири заказчики явно не дали. И самостоятельные энтузиасты-подделщики плели кто во что горазд. Поэтому из той подделки не получилось правдоподобного свидетельства о переселении якутов с юга. Да и цели такой не ставили заказчики подделки.

В своем первоизданном виде та же легенда о северных Адаме и Еве легла в основу зарождения олонхо — эпоса о поисках дальней по крови невесты и защиты ее

от нежелаемых притязаний. Проблема с изучением его непроста. И здесь придется попутным образом чуть коснуться и этой проблемы, так как олонхо часто выставляется в качестве доказательства о якобы южном происхождении якутов. Изначальные олонхо были сюжетными копиями легенд о северных Адаме и Еве. В них Небесный Лыжник или Элэй заменялся простым парнем Земли. Тот единственный персонаж отправляется искать себе невесту. После путевых мытарств, он находит себе невесту и повествование прерывалось. Те олонхо были прозаичны и лаконичны. После прихода русских их назвали «пешими» (сатыы) олонхо. Их не пели. Особенность «пеших» олонхо составляли: единственность персонажа, отсутствие социальных мотивов и ограниченность места действия. Те олонхо — порождения бесклассового внутри якутского общества.

На втором своем этапе, названном «конным», олонхо ни с того, ни с сего запело, говорить стал только стихотворно. Оно переменяло и тему: меньше стало говорить о прежних безмятежных поисках невесты и заняло позу воинствующего борца за веру. При этом оно разделилось на две ветви, копирующие друг друга: на ветвь шаманских камланий и ветвь самого «конного» олонхо. Первую ветвь исполняли одни шаманы со своими помощниками «кутуруксутами», а вторую — певцы-олонхосуты. И камлание, и «конное» олонхо охотились на дьяволов-абаасы. В камлании стихотворно-запевная борьба с дьяволами сопровождалась артистическими и психологическими трюками. В роли единственного персонажа и борца выступал сам шаман. Аудиторию его составляли лечащиеся, просители тех или иных благ и зеваки.

Исполнители «конных» олонхо сами не делали никаких театральных трюков против абаасы. Вместо шамана против дьяволов они пускали, одетых в латы, богатырей. И в камланиях, и в олонхо местом действия ПО

были творчески переработанные библейские три мира, а противниками — самодеятельно созданные дьяволы из библии, русского и местного язычества. Олонховские богатыри выставляли на передний план своих боевых коней, а шаманы называли своими лошадьми свои бубны, на Севере — высушенные лыжи в кожаной обтяжке, служившие и лыжами, и сигнальным средством.

Откуда пошел столь бурный антидьявольский бум в камлании и олонхо, а также в эпосах малочисленных, выводы напрашиваются сами по себе. Приход землепроходцев в латах и своеобразного чужого незнакомого театра в лице сеансов православных священников явно оказались целой революцией, чутким на фольклор, самодеятельным активистам. Последние остаются столь же деятельными и сегодня. Переработка любой внешней информации извне, оказывается, была сильна и стремительна и ко времени прихода русских. Откликнувшиеся столь бурно на русский фактор почему молчали при факторах культуры и музыки завоевываемых (гуннами, тюрками, монголами), Китая, Тибета, Средней Азии, Индии, Кавказа и др., если предки якутов переселились из южных степей...

Не ответив на столь кричащие вопросы-факты, выдерганные из олонхо отрывистые сведения выставлялись как доказательство о приходе предков якутов не только с южных степей, но и из тропиков со львами. При этом в качестве льва выставляли слово «хахай» (Ытык Ха- хайдаан) от бурятского «гахай» — по-якутски «таай» — «брат или сестра по материнской линии». Вместе со словом «улигер» (по-якутски «улугэр») эти два бурятских слова явно занесены тунгусами, общавшимися с хамни- ганами — обураченными двуязычными тунгусами.

В выражении «Араат бай5ал» из олонхо многие старались увидеть свидетельство о пребывании предков якутов в Аральском море. Однако то море всегда назы-

вали «Арал», а не «Арат». Упомянув об Арале, впечатлительное олонхо не могло обойти молчанием пески, солончаки, такыры, сайгаков, саксаулы. Ничего из того типично Аральского комплекса в олонхо нет. Зато Ледовитый океан «Муустаах байдал» обрисовывается с типично якутской картинностью. Следовательно, «Араат байдал» — непонятный звуковой балласт, занесенный эстафетами сагаязычий и уранхаеязычий. Олонхосуты применили то выражение «для солидности» таким же образом, как сегодня козыряют иностранными словами и выражениями, т. к. частота применения иностранных слов «повышает» авторитет «многознающего». Между тем слово «Араат» (Айраат, Ойраат) некогда было вторым названием уранхаев. Отсюда Уранхайский край в свое время называли и Ойротией, и Танну-Тува. Слово «байдал» у якутов сохранило нарицательное значение «глубокое», «бездонное», «много воды».

В олонхо имеется и третий «байдал» — «огненный» с богатырем Огнедышащий (Уот Уһуутаакы). Любопытно, никто еще не додумался применить его в качестве свидетельства о пребывании предков якутов в библейском аду у кипящих котлов со смолой. Отсюда — получается прелюбопытнейшим Подземное Царство олонхо, где поставлены рядом Ледовитый и Огненный океаны.

Небезынтересны сведения олонхо, и о социальном строе якутов. Там нет ни капельки силовых структур и карательных органов, т. е. власти. И таких называют потомками древних степных вояк «потрясателей мира».

Любопытна также музыка олонхо, собравшая в себе весь музыкальный фольклор народов Якутии. Это свидетельство об общности прошлого их всех. Междометия-выкрики, с которых начинается любая речь и песня в олонхо, делает олонхо абсолютно непохожим на эпосы, созданные вне Якутии, за исключением долганских, тунгусских и майяато-нганасанских.

Николаев Семен Иванович

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДА САХА

Сдано в набор 27.10.95. Подписано в печать 27.11.95.
Формат 70x108 1/32. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Усл.п.л. 4,9. Уч.-изд.л. 4,8. Тираж 3000 экз. Заказ № 207.

НИПК, "Сахаполиграфиздат"
677000, г. Якутск, ул. Кирова, 9.